

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*Психологические
НАУКИ*

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ
МУЖЧИНЫ

ВОЗРАСТ И СТАЖ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОО
К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РОМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БРАК
В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОКОЛЕНИЙ
МИЛЛЕНИАЛОВ И БЭБИ-БУМЕРОВ

2019 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки) (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology (psychological sciences); 19.00.03 – Psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 19.00.07 – Pedagogical psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии «Психологические науки»

Ответственный редактор серии:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель ответственного редактора серии:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии серии:

Забродин Ю. М. — действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К.Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иванников В. А. — действительный член (академик) Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва); Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2019. — № 1. — 110 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board
«Psychology»

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the
Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2019. – № 1. – 110 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Кононов А. Н., Комиссарова А. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ТРЕВОЖНЫХ ПОДРОСТКОВ	6
---	---

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Баринова Е. С., Васягина Н. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ МУЖЧИНЫ	17
---	----

<i>Емельянова Т. П., Шмидт Д. А.</i> РОМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БРАК В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОКОЛЕНИЙ МИЛЛЕНИАЛОВ И БЭБИ-БУМЕРОВ	29
--	----

<i>Остапенко Д. К.</i> ЦЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СПОРТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	44
--	----

<i>Суслова Т. Ф., Комарова Н. М., Грибкова С. В.</i> ОЦЕНКА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ СПЕЦИАЛИСТАМИ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	50
--	----

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Усанова О. Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	66
---	----

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГНОМИКА

<i>Евченко С. Л.</i> КОНКУРЕНТНОСТЬ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОЛЛЕКТИВИЗМ	77
---	----

<i>Филинкова Е. Б.</i> ВОЗРАСТ И СТАЖ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОО К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	87
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XIV ЛЕВИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО	101
---	-----

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

<i>A. Kononov, A. Komissarova.</i> ANXIOUS ADOLESCENTS' BEHAVIOR SPECIFICS	6
--	---

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>E. Barinova, N. Vasyagina.</i> CHARACTERISTICS OF FAMILY SELF-CONSCIOUSNESS OF MEN	17
---	----

<i>T. Emelyanova, D. Shmidt.</i> ROMANTIC RELATIONS AND MARRIAGE IN SOCIAL REPRESENTATIONS OF MILLENNIALS AND BABY-BOOMERS	29
--	----

<i>D. Ostapenko.</i> VALUES OF ADOLESCENTS, INVOLVED IN SPORTS ACTIVITIES	44
---	----

<i>T. Suslova, N. Komarova, S. Gribkova.</i> ESTIMATION OF THE ETHNO-CULTURAL ADAPTATION OF CHILDREN FROM FAMILIES OF MIGRANTS BY SPECIALISTS OF SOCIAL ORGANIZATIONS	50
---	----

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

<i>O. Usanova.</i> SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF STRATEGIES OF HELPING CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DISORDERS AT THE PRESENT STAGE	66
--	----

РАЗДЕЛ IV. LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, ERGONOMICS

<i>S. Evenko.</i> THE COMPETITIVE CONDITIONS OF PROFESSIONAL ACTIVITY AND TEAMWORK	77
--	----

<i>E. Filinkova.</i> AGE AND EXPERIENCE AS DETERMINANTS OF SCHOOL AND PRESCHOOL TEACHERS' PSYCHOLOGICAL READINESS FOR MANAGEMENT	87
--	----

SCIENTIFIC LIFE

XIV LEVITOV'S READINGS. INFORMATION LETTER	101
--	-----

РАЗДЕЛ I.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-6-16

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ТРЕВОЖНЫХ ПОДРОСТКОВ

Кононов А. Н.¹, Комиссарова А. С.²

¹ *Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

² *Независимый исследователь
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Целью исследования являлось изучение взаимосвязи поведения у подростков в возрасте 13–17 лет с уровнем ситуативной тревоги как свойства личности и эмоционального пищевого расстройства. В качестве метода математической статистики применялась ранговая корреляция Пирсона. Результаты, полученные авторами, показали статистически значимую корреляцию состояния тревоги и нарушений пищевого поведения. Теоретическая и практическая значимость исследования позволяет психологам, а также специалистам психологической службы средних общеобразовательных учреждений разработать эффективную программу снижения высокого уровня тревоги, вызывающей нарушения пищевого поведения у подростков.

Ключевые слова: тревога, тревожность, нарушения пищевого поведения, подростки, учащиеся, психолог-консультант.

ANXIOUS ADOLESCENTS' BEHAVIOR SPECIFICS

A. Kononov¹, A. Komissarova²

¹ *Moscow Region State University
24 Vera Voloshina ul., Mytyshi, Moscow reg. 141014, Russian Federation*

² *Independent researcher
Moscow, Russian Federation*

© СС BY Кононов А. Н., Комиссарова А. С., 2019.

Abstract. The aim of the study is to study the relationship between adolescents' (aged 13-17) eating disorders with the level of situational anxiety and anxiety as a personal quality. Pearson rank correlation was used as a method of mathematical statistics. The results obtained by the authors in the course of the study showed a statistically significant correlation between anxiety and eating disorders. The theoretical and practical significance of the study allows psychologists, consultants, as well as to the specialists of the psychological service of secondary educational institutions, to develop an effective program of reducing the high level of anxiety causing adolescents' eating disorders.

Keywords: anxiety, anxiety, eating disorders, adolescents, students, psychologist-consultant.

Актуальность работы

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) отмечает, что в настоящий момент 10–20% подростков во всём мире, нуждающихся в помощи психологов и психиатров, не получают её¹.

Как отмечается в информационном бюллетене специалистами ВОЗ, подростковый и юношеский возраста являются периодами, когда наиболее вероятно развитие расстройств приёма пищи. Особое внимание обращается на то, что подростки с подобными расстройствами находятся в зоне риска с точки зрения злоупотребления психоактивными веществами, для них характерны депрессивные и тревожные состояния².

Именно поэтому исследование нарушений пищевого поведения среди подростков является актуальным и представляет особый интерес для специалистов³.

¹ Всемирная Организация Здравоохранения. Психическое здоровье подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения: 10.12.2018).

² Там же.

³ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Численность и состав населения [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#)

Дети и подростки являются наиболее чувствительными и подверженными многим воздействиям (мнению референтной группы, значимых взрослых, сверстников, старших друзей, а также СМИ), которые могут стать катализаторами, запускающими развитие нарушений пищевого поведения. Интернет, гляцевые журналы, рекламные буклеты создают атмосферу, в которой подросток вынужденно делает вывод, что именно стройное тело, а в ряде случаев откровенная худоба являются залогом успеха в профессиональной карьере и личной жизни.

Проблема адекватного восприятия подростком самого себя не является отдельно взятым явлением. Зачастую данная проблема сопровождается развитием разного рода комплексов в отношении собственного тела, а также стремления к идеалу, навязанному извне. Всё это вместе способно вызывать нарушения приёма пищи, ухудшая не только физическое, но и психоэмоциональное состояние подростка.

По нашему мнению, существующие стандарты красоты способны вызывать у подростков чувство неуверенности или недовольства своим телом, что может приводить к повышению

rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.12.2018).

уровня тревожности как свойства личности и ситуативной тревоги. Мы считаем, что именно личностная тревожность и ситуативная тревога являются факторами, провоцирующими возникновение и развитие нарушений пищевого поведения в подростковом возрасте.

Степень разработанности проблемы

Зарубежные специалисты, в частности Г. Торстендоттир и Л. Ульфарсдоттир, указывают, что в западных странах расстройства пищевого поведения стали распространённой проблемой не только среди девочек-подростков и молодых женщин, но и среди мужчин. Исследование студентов колледжей Исландии показало, что 63% девушек и 30,9% юношей не довольны своим весом [14; 15].

Нарушения пищевого поведения, помимо определённых генетических факторов, в первую очередь обусловлены социальными условиями, как указывают в своих работах Д. Митчисон и Ф. Хей [13].

Дж. Грабель и Дж. Пайкофф, а также Г. Леон и С. Перри пишут, что именно подростковый возраст является периодом, когда внешние условия среды способны вызывать нарушения пищевого поведения, оказывая максимально пагубное влияние на физическое и психическое здоровье человека [11; 12].

К. Вогс, Т. Хизертон и М. Херрин отмечают, что дети, находящиеся в состоянии стресса длительное время, испытывая тревогу, зачастую уже в раннем возрасте узнают, что приём пищи, особенно определённых её видов, приводит к снижению уровня тревоги и внутреннего напряжения. Таким об-

разом они справляются с эмоциональным напряжением и стрессом. В случае роста уровня тревоги у ребёнка вновь возникает желание есть, при этом оно абсолютно не зависит от физического чувства голода. Зачастую расстройства пищевого поведения являются следствием переживания ребёнком состояния тревоги высокого уровня, в течение продолжительного времени [15]. Наиболее частым следствием повышения уровня ситуативной тревоги является неконтролируемый приём пищи, что может приводить к появлению избыточного веса и в последующем ожирения. При этом исследователями отмечается, что нарушения пищевого поведения, как правило, начинают развиваться во время обучения в школе, тогда как в последующие годы происходит их усугубление [12; 13; 15].

Авторы обращают внимание на то, что дети и подростки обоих полов менее всего терпимы именно к избыточному весу, чем к отсутствию конечностей или же иным физическим недостаткам, предпочитая видеть среди своих друзей стройных людей [15].

Недовольство подростка своим телом зачастую приводит к уменьшению принимаемой им пищи вплоть до голодания, тем самым провоцируя развитие нервной анорексии и последующие проблемы со здоровьем во взрослом возрасте, – так считают М. Акел, М. Асси и Ф. Сакр [10].

Российские психологи уделяют значительное внимание изучению вопроса нарушений пищевого поведения, однако большинство исследований касается выявления причин или же особенностей такового у взрослых.

О. А. Скугаревский особое внимание обращает на тот факт, что уже в

раннем возрасте дети начинают уделять пристальное внимание собственному телу и критически воспринимать окружающих сверстников, именно поэтому на самооценку ребёнка серьёзное влияние оказывает его социальное окружение. В случае получения негативной оценки своего тела от сверстников ребёнок начинает испытывать состояние тревоги. Автор указывает на важное обстоятельство, что отношение подростка к своему телу и отдельным его частям меняется достаточно быстро и поддаётся корректировке и управлению [6].

Отечественные исследователи В. В. Кузовкин и А. Н. Кононов, изучая особенности переживания тревоги о будущем у подростков, показывают, что ситуация выбора жизненного пути, неопределенность будущей жизни закономерно вызывают рост уровня тревоги и последующее стремление справиться с переживаемым психоэмоциональным состоянием доступными способами [5].

В своих исследованиях авторы отмечают, что переживание тревоги высокого уровня требует помощи психолога-консультанта. Данное обстоятельство обусловлено тем, что выработка личностью неэффективных способов совладающего поведения, направленного на снижение уровня тревоги, может лишать человека успеха в личной и профессиональной сферах [4].

Отсутствие между подростком и родителями тепла и взаимопонимания является триггером, запускающим развитие пищевых расстройств, – к такому выводу пришла О. А. Ильчик [2].

Одним из главных факторов, влияющих на пищевое поведение подростка,

как указывает М. Ю. Дурнева, является его отношение к собственному телу. Уверенность в привлекательности худого тела может приводить к отказу ребёнка от приёма пищи в стремлении снизить вес [1].

При этом исследования, проведённые А. Т. Шакировой и Р. А. Файзуллиной, позволили установить следующее: дети и подростки в возрасте от 7 до 17 лет, имеющие избыточный вес, оказываясь в стрессовой ситуации, начинают испытывать чувство голода, что приводит к увеличению массы тела [8].

В своей статье К. В. Шакура и Д. В. Зайцев указывают, что более 50% школьников в возрасте от 16 до 17 лет, принявших участие в исследовании, в той или иной степени недовольны своим телом [9].

Д. И. Конькова, проведя исследование с подростками в возрасте от 14 до 17 лет, установила, что те, кто имеет нарушения пищевого поведения, склонны к более низкому уровню самоуважения, при этом уровень их аутосимпатии, т. е. благосклонного отношения к себе, тяготеет к негативным значениям [3].

А. В. Чанова, изучая особенности пищевого поведения у лиц в возрасте от 17 до 25 лет, выявила, что существует связь между уровнем тревоги, который переживают молодые люди, и нарушениями пищевого поведения [7].

Исследование особенностей взаимосвязи уровня тревоги и пищевого поведения подростков представляется крайне важным, так как ранняя диагностика и последующая помощь школьного психолога позволят подростку избежать проблем во взрослой жизни. Своевременная диагностика нарушений пищевого поведения сре-

ди подростков даёт возможность избежать серьёзных последствий в дальнейшем, а также помочь ребёнку расти гармоничной и целостной личностью, так как сохранение и укрепление психического и физического здоровья ребёнка является важнейшей задачей психологической службы в российских школах.

По нашему мнению, специалистам необходимо обращать внимание не только на уровень переживания тревоги подростком, но и на изменение его отношения к собственному телу, так как это может быть предвестием развития нарушения пищевого поведения.

Исходя из вышеизложенного, логичным будет предположение, что в подростковом возрасте, учитывая специфику психического и физического развития в данный возрастной период, взаимосвязь между данными показателями будет более тесной.

Мы предполагаем, что между показателем уровня тревоги, отношением к собственному телу и нарушением пищевого поведения существует взаимосвязь.

Цель работы

Исследование взаимосвязи особенностей пищевого поведения с уровнем личностной тревожности и ситуативной тревоги в подростковом возрасте.

Проведено исследование, в котором приняли участие ученики 8–11 классов МОУ «Гимназия № 4» г. о. Электросталь в возрасте от 13 до 17 лет в количестве 81 человека.

Для определения уровня переживания тревоги и личностной тревожности использованы: 1) шкала тревоги Ч. Д. Спилбергера в

адаптации Ю. Л. Ханина; 2) шкала тревоги Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчинова. Методики для исследования нарушения пищевого поведения и отношения к собственному телу были следующие: 1) опросник образа собственного тела О. А. Скутаревского и С. В. Сивухи; 2) тест отношения к приёму пищи (Eating Attitudes Test; EAT 26); 3) голландский опросник пищевого поведения (Dutch Eating Behavior Questionnaire, DEBQ). Для обработки данных применялась многофункциональная программа статистического анализа SPSS Statistics 21.

Результаты

и анализ исследования

Анализ результатов, полученных в ходе исследования, позволил выделить следующие блоки, которые представлены в корреляционной плеяде:

- образ собственного тела;
- эмоциогенное пищевое поведение;
- тревога.

По результатам выявлено, что все корреляционные связи в указанных блоках являются положительными, при $p \leq 0,01$.

Анализ результатов образа собственного тела позволил выявить следующее. Оценка подростком «образа собственного тела» имеет значимые связи ($r = 0,729$, при $p \leq 0,01$) с уровнем «личностной тревожности» как свойства личности, с «тревогой» ($r = 0,721$, при $p \leq 0,01$), «ситуативной тревожностью» ($r = 0,621$, при $p \leq 0,01$). Исходя из этого, можно сказать, что, чем ниже оценивает подросток своё тело, тем выше уровень его тревожных переживаний. Изменение отношения ребёнка к самому себе, чувство стыда за своё тело, фиксация на отдельных его

частях, которые кажутся непривлекательными в глазах окружающих, про-

воцируют повышение уровня тревоги (см. рис. 1).

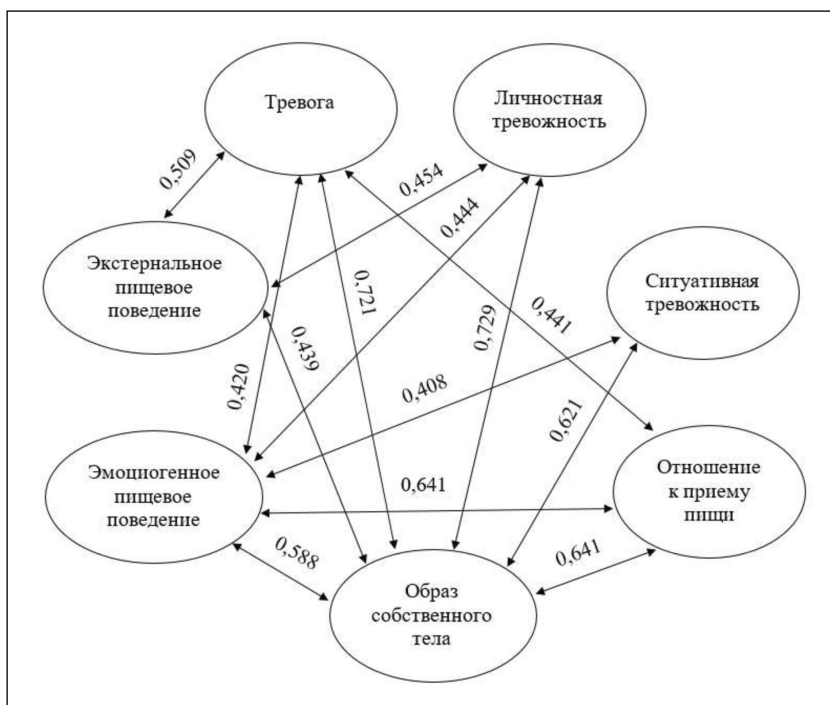

Рис. 1. Корреляционная плеяда взаимосвязи тревоги и нарушений пищевого поведения в подростковом возрасте

В подростковом возрасте родители и учителя должны быть предельно внимательны к состояниям, переживаемым подростком. В том случае, когда подросток недоволен своим телом или считает его непривлекательным, необходимо обратиться за помощью к психологу с целью предотвращения ухудшения его психоэмоционального и физического состояния, а также снижения уровня тревожных переживаний. Кроме того, рост уровня тревоги и изменение отношения к собственному телу могут оказывать негативное влияние на успеваемость подростка, так как публичные выступления во время урока будут оцениваться ребёнком как потенциально опасные ситуации.

Во время ответа перед классом он или она может стать объектом насмешек со стороны одноклассников и при этом лишается возможности реализовать заложенный в нём или ней творческий и интеллектуальный потенциал.

Эмоциогенное пищевое поведение. «Эмоциогенное пищевое поведение» имеет значимые связи ($r = 0,444$, при $p \leq 0,01$) с уровнем «личностной тревожности» как свойства личности, с «тревогой» ($r = 0,420$, при $p \leq 0,01$), «ситуативной тревожностью» ($r = 0,408$, при $p \leq 0,01$). Чем выше уровень ситуативной и личностной тревожности и тревоги у подростка, тем выше вероятность того, что в состоянии стресса у него будет возникать импульс к потреблению

пищи. Ребёнок, переживающий состояние тревоги, склонен заедать свои эмоциональные переживания и потреблять большее количество пищи, чем это необходимо. Возникающий импульс к потреблению пищи обусловлен не столько физическим чувством голода, сколько эмоциональным дискомфортом, который переживает подросток ситуативно, в конкретный момент времени. В связи с тем, что данный способ снижения тревоги доступен для подростка и не требует усилий с его стороны, происходит его быстрое закрепление, как типовой модели поведения в ответ на рост уровня тревоги. Ребёнок прибегает к простому, но неэффективному способу снятия внутреннего напряжения – обильному потреблению пищи. Подобный способ снижения высокого уровня тревоги является деструктивным, так как приносит исключительно временное облегчение и не способствует разрешению сложной ситуации, вызвавшей психоэмоциональное напряжение.

Тревога. Значимая связь «тревоги» с «экстернальным пищевым поведением» ($r = 0,508$, при $p \leq 0,01$) свидетельствует о том, что при повышении уровня тревоги стимулом к употреблению пищи становится не физическое чувство голода, а раздражающие внешние факторы. Так, например, запах еды или привлекательное изображение пищи, на которые реагирует ребёнок, испытывающий тревогу высокого уровня, являются более сильными сигналами, чем физические ощущения, выступающие уже как второстепенные. Подростки перестают ориентироваться на внутренние сигналы своего тела, следовать режиму приёма пищи. Доступность еды позволяет утолить возникшее чувство голода практиче-

ски в любой момент, приводя к постоянным перекусам. Обилие пищи с высоким содержанием углеводов во время частых перекусов на фоне высокого уровня тревоги и низкой физической активности подростков даёт избыточное количество калорий, а значит, провоцирует увеличение массы тела за счёт жировых отложений. Естественно, что подобные изменения, происходящие с телом, могут приводить к ухудшению самовосприятия подростка и негативному отношению к образу собственного тела.

При этом значимая связь между «тревогой» и «отношением к приёму пищи» ($r = 0,441$, при $p \leq 0,01$) позволяет сделать предположение о возможности развития нервной анорексии или нервной булимии у подростка. Данные нарушения выступают как следствие изменения отношения подростка к собственному телу. Желание избавиться от лишнего веса, стать более привлекательной(ым) в своих собственных глазах и в глазах сверстников провоцирует отказ ребёнка от приёма пищи, соблюдение им жёстких диет, а в случае невозможности контролировать объёмы потребляемой пищи – последующее насильственное опустошение желудка.

Анализ корреляционной плеяды даёт возможность выбрать психокоррекционные мишени, работа с которыми является приоритетной и наиболее эффективной.

Представленная корреляционная плеяда демонстрирует входящие в неё элементы и их связи. Анализ связей элементов позволяет сделать вывод, что наиболее нагруженными являются «образ собственного тела» (6 связей), «эмоциогенное пищевое поведе-

ние» (5 связей), «тревога» (4 связи) и «личностная тревожность» (3 связи), остальные элементы являются мало-нагруженными.

Наиболее результативной будет работа психолога с «образом собственного тела» подростка. «Образ собственного тела» как психокоррекционная мишень является элементом, который имеет значимые связи со всеми элементами системы, следовательно, изменение данного показателя вызовет изменения других показателей. Наличие значимой связи «образа собственного тела» с «личностной тревожностью» ($r = 0,729$, при $p \leq 0,01$) и «тревогой» ($r = 0,721$, при $p \leq 0,01$) свидетельствует о том, что именно эти элементы первыми будут изменяться в случае воздействия на «образ собственного тела».

Таким образом, психокоррекционная работа психолога с «образом собственного тела» будет способствовать снижению уровня тревоги, личностной и ситуативной тревожности, а также влиять на отношение к приёму пищи, изменяя экстернальное и эмоциогенное поведение подростка.

По нашему мнению, перспективными являются исследования особенностей пищевого поведения школьников с учётом их половой принадлежности и возраста для последующей разработки системы профилактических мероприятий по предупреждению возникновения и развития нарушений пищевого поведения у российских подростков. Такие исследования позволят определить психокоррекционные мишени для мальчиков (юношей) и девочек (девушек), способствуют облегчению работы школьных психологов с подростками, имеющими нарушения пищевого поведения.

Выводы

1. Теоретический анализ данной проблемы показал, что в существующих исследованиях тревоги подростков недостаточно полно изучена взаимосвязь с нарушениями эмоциогенного пищевого поведения.

2. Выявлено три блока взаимосвязей: «образ собственного тела», «эмоциогенное пищевое поведение», «тревога». В 1 блоке: «образ собственного тела» взаимосвязан с показателями тревоги – «личностная тревожность» ($r = 0,729$, при $p \leq 0,01$); «образ собственного тела» – «тревога» ($r = 0,721$, при $p \leq 0,01$); «образ собственного тела» – «ситуативная тревожность» ($r = 0,621$, при $p \leq 0,01$). Во 2 блоке: «эмоциогенное пищевое поведение» обнаруживает взаимосвязь с «личностной тревожностью» ($r = 0,444$, при $p \leq 0,01$); «эмоциогенное пищевое поведение» – «тревога» ($r = 0,420$, при $p \leq 0,01$), «эмоциогенное пищевое поведение» – «ситуативная тревожность» ($r = 0,408$, при $p \leq 0,01$). В 3 блоке: «тревога» – «экстернальное пищевое поведение» ($r = 0,508$, при $p \leq 0,01$); «тревога» – «отношением к приему пищи» ($r = 0,441$, при $p \leq 0,01$).

3. Связи блока «образ собственного тела» позволяют говорить о приоритетной важности позитивного отношения подростка к образу своего тела, принятия им собственного тела, а также о необходимости снижения уровня ситуативной тревоги и работы с личностной тревожностью в случае их роста. Связи блока «эмоциогенное пищевое поведение» демонстрируют, что ситуативная тревога и личностная тревожность имеют тесную связь с изменением пищевого поведения подростка. Подросток с высоким уровнем тревоги склонен к выработке и последующему закреплению

неэффективного шаблона поведения, направленного на снижение степени интенсивности переживания тревоги путём потребления избыточного количества пищи. Связи блока «тревога» свидетельствуют об опасности развития отношения ребёнка к собственному телу как последствия экстернального пищевого поведения у подростков, переживающих тревогу высокого уровня.

4. В качестве психокоррекционной мишени для работы психолога наибо-

лее важной является схема «образ собственного тела». Психокоррекционная работа с «образом собственного тела» подростка может вызвать снижение уровня «личностной тревожности» и «тревоги», а также будет способствовать изменению «отношения к приёму пищи», «экстернальному пищевому поведению» и «эмоциогенному пищевому поведению».

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурнева М. Ю. Формирование отношения к телу и пищевого поведения у девушек подросткового и юношеского возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 30 с.
2. Ильчик О. А. Межличностное взаимодействие в родительских и прародительских семьях девушек с нарушениями пищевого поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2015. 24 с.
3. Конькова Д. И. Особенности самоотношения подростков, склонных к девиантному пищевому поведению // Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 22–25 ноября 2016 г. Хабаровск, 2017. С. 354–357.
4. Кузовкин В. В., Кононов А. Н. Исследование особенностей переживания тревоги о будущем работниками торговой организации методом ранговой корреляции // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 2 (40). С. 143–147.
5. Кузовкин В. В., Кононов А. Н. Особенности тревоги о будущем у учащихся старших классов и пути ее психологической коррекции // Психология и школа. 2014. № 1. С. 53–78.
6. Скугаревский О. А. Нарушения пищевого поведения: монография. Минск, 2007. 340 с.
7. Чанова А. В. Особенности пищевого поведения у лиц с различным уровнем тревожности в юношеском возрасте // Развитие человека в современном мире: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19–21 апреля 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 234–242.
8. Шакирова А. Т., Файзуллина Р. А. Особенности пищевого поведения школьников города Казани // Практическая медицина. 2015. № 7 (92). С. 68–71.
9. Шакура К. В., Зайцев Д. В. Удовлетворенность собственным телом как объект исследования в жизни и восприятии современных подростков // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: XLI International scientific and practical conference, Boston, USA, January 29–30th, 2018. Boston, 2018. P. 166–168.
10. Akel M., Fahs I., Rahal M., Sakr F., Assi M. Eating and Weight Disorders: A Mini-Review of Anorexia and Bulimia Nervosa and Binge Eating Disorder // Journal Of Pharmacy. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 12–16.

11. Graber J. A., Brooks-Gunn J., Paikoff R. L., Warren M. P. Prediction of eating problems: An 8-year study of adolescent girls // *Developmental Psychology*. 1994. No. 30. P. 823–834.
12. Leon G. R., Fulkerson J. A., Perry C. L., Early-Zald M. B. Prospective analysis of personality and behavioral vulnerabilities and gender influences in the later development of disordered eating // *Journal of Abnormal Psychology*. 1995. No. 104. P. 140–149.
13. Mitchison D., Hay P. The epidemiology of eating disorders: genetic, environmental, and societal factors // *Clinical Epidemiology*. 2014. No. 6. P. 89–97.
14. Thorsteinsdottir G., Ulfarsdottir L. Eating Disorders in College Students in Iceland // *European Journal of Psychiatry*. 2008. Vol. 22. No. 2. P. 107–115.
15. Vohs K. D., Heatherton T. F., Herrin M. Disordered Eating and the Transition to College: A Prospective Study // *International Journal Eat Disord*. 2001. Vol. 29 (3). P. 280–288.

REFERENCES

1. Durneva M. Yu. *Formirovanie otnosheniya k telu i pishchevogo povedeniya u devushek podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [The formation of a relationship to the body and eating behavior of adolescent girls and young women: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2014. 30 p.
2. Il'chik O. A. *Mezhlichnostnoe vzaimodeistvie v roditel'skikh i praroditel'skikh sem'yakh devushek s narusheniyami pishchevogo povedeniya: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Interpersonal interaction in the parent and grandparent families of girls with disorders abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Minsk, 2015. 24 p.
3. Kon'kova D. I. [Features of self-attitude of teenagers inclined to deviant eating behavior]. In: *Smysl, funktsii i znachenie raznykh otraslei prakticheskoi psikhologii v sovremennom obshchestve: sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Khabarovsk, 22–25 noyabrya 2016 g.* [The meaning, functions and importance of different branches of applied psychology in contemporary society: proceedings of all-Russian scientific-practical conference, Khabarovsk, November 22–25th, 2016]. Khabarovsk, 2017, pp. 354–357.
4. Kuzovkin V. V., Kononov A. N. [Research of features of feelings of anxiety about the future of trade organizations workers]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University. V. P. Astafiev], 2017, no. 2 (40), pp. 143–147.
5. Kuzovkin V. V., Kononov A. N. [Features of anxiety about the future of senior students and ways of its psychological correction]. In: *Psikhologiya i shkola* [Psychology and school], 2014, no. 1, pp. 53–78.
6. Skugarevsky O. A. *Narusheniya pishchevogo povedeniya* [Eating disorders]. Minsk, 2007. 340 p.
7. Chanova A. V. [Characteristics of eating behavior of individuals with different levels of anxiety in adolescence]. In: *Razvitie cheloveka v sovremennom mire: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 19–21 aprelya 2016 g.* [Human development in the modern world: materials of VII all-Russian scientific-practical conference with international participation, Novosibirsk, April 19–21st, 2016]. Novosibirsk, 2016, pp. 234–242.
8. Shakirova A. T., Faizullina R. A. [Features of food behavior among pupils of Kazan city]. In: *Prakticheskaya meditsina* [Practical medicine], 2015, no. 7 (92), pp. 68–71.
9. Shakura K. V., Zaitsev D. V. [Satisfaction with your own body as an object of research in the life and perception of modern adolescents]. In: *International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: XLI International scientific and practical conference, Boston, USA, January 29–30th, 2018*. Boston, 2018, pp. 166–168.

10. Akel M., Fahs I., Rahal M., Sakr F., Assi M. Eating and Weight Disorders: A Mini-Review of Anorexia and Bulimia Nervosa and Binge Eating Disorder. In: *Journal of Pharmacy*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 12–16.
11. Graber J. A., Brooks-Gunn J., Paikoff R. L., Warren M. P. Prediction of eating problems: An 8-year study of adolescent girls. In: *Developmental Psychology*, 1994, no. 30, pp. 823–834.
12. Leon G. R., Fulkerson J. A., Perry C. L., Early-Zald M. B. Prospective analysis of personality and behavioral vulnerabilities and gender influences in the later development of disordered eating. In: *Journal of Abnormal Psychology*, 1995, no. 104, pp. 140–149.
13. Mitchison D., Hay P. The epidemiology of eating disorders: genetic, environmental, and societal factors. In: *Clinical Epidemiology*, 2014, no. 6, pp. 89–97.
14. Thorsteinsdottir G., Ulfarsdottir L. Eating Disorders in College Students in Iceland. In: *European Journal of Psychiatry*, 2008, vol. 22, no. 2, pp. 107–115.
15. Vohs K. D., Heatherton T. F., Herrin M. Disordered Eating and the Transition to College: A Prospective Study. In: *International Journal Eat Disord*, 2001, vol. 29 (3), pp. 280–288.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кононов Александр Николаевич – старший преподаватель кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета;
e-mail: alnikkon@mail.ru

Комиссарова Анастасия Сергеевна – независимый исследователь, г. Москва;
e-mail: nastasia.komissar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Kononov – senior lecturer, Department of psychological counseling, Faculty of psychology, Moscow Region State University;
e-mail: alnikkon@mail.ru

Anastasia S. Komissarova – independent researcher, Moscow;
e-mail: nastasia.komissar@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кононов А. Н., Комиссарова А. С. Особенности поведения тревожных подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 6–16.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-6-16

FOR CITATION

Kononov A. N., Komissarova A. S. Anxious adolescents' behavior specifics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 6–16.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-6-16

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-17-28

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ МУЖЧИНЫ

Барина Е. С., Васягина Н. Н.

Уральский государственный педагогический университет

620000, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлено исследование общих структурно-содержательных характеристик семейного самосознания мужчины с целью выявления их особенностей в зависимости от его типа. Исследование построено на основе субъектно-деятельностного и личностно-ориентированного подходов. Выборку составили 120 мужчин, проживающих в разных городах России, в возрасте от 27 до 49 лет ($M = 35$ лет), состоящих в официальном браке не менее 3 лет, имеющих несовершеннолетних детей. Изучены особенности содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания. Эмпирически верифицирована типология семейного самосознания мужчин, отражающая особенности восприятия мужчиной себя в семье, специфику его отношения к себе как члену семьи, особенности реализации им семейных ролей и функций. Авторами проведён феноменологический анализ категории «семейное самосознание мужчины» в единстве его когнитивного, эмоционального, поведенческого компонентов. Эмпирически выявлены и описаны три типа семейного самосознания мужчин: «гармоничный», «дисгармоничный в отношениях с ребёнком», «дисгармоничный в отношениях с женой и ребёнком». Статья адресована семейным психологам и специалистам, осуществляющим профессиональную подготовку и переподготовку психологов по работе с семьёй.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, семейное самосознание мужчины, супружество, отцовство.

CHARACTERISTICS OF FAMILY SELF-CONSCIOUSNESS OF MEN

E. Barinova, N. Vasyagina

Ural State Pedagogical University,

26 Kosmonavtov prosp., Yekaterinburg 620000, Russian Federation

© СС ВУ Барина Е. С., Васягина Н. Н., 2019.

Abstract. The purpose of the article is to study the general structural and content characteristics of the family self-consciousness of men and to identify their characteristics depending on the type of family self-consciousness of men. The study is based on the subject-activity and personality-oriented approaches. The sample consisted of 120 men living in the cities of Sverdlovsk region, aged from 27 to 49 years ($M=35$ years), married from 3 to 27 years ($M=10$ years), with minor children. The features of the structural components content of family self-consciousness are studied. The typology of family self-consciousness of men is empirically verified. It reflects the features of a man's perception of himself in the family, the specifics of his attitude to himself as a family member, the peculiarities of his realization of family roles and functions. The authors conducted the phenomenological analysis of the category "family self-consciousness of men" in the unity of its cognitive, emotional, behavioral components. Three types of men's family self-consciousness are empirically identified and described as "harmonious", "disharmonious in relations with a child", "disharmonious in relations with a wife and a child". The article is addressed to family psychologists and specialists engaged in professional training and retraining of psychologists to work with the family.

Keywords: family, family relations, family self-consciousness of a man, marriage, fatherhood.

Введение

Современная российская семья характеризуется изменением ролевой структуры и эгалитаризацией семейно-брачных отношений, вследствие чего лидерство мужчины зачастую приобретает формальный характер, авторитет отца подменяется материнским или двойным (матери и отца) [4; 5; 7; 11]. Все эти процессы обусловлены наряду с экономическими и социальными причинами и психологическими факторами. В связи с этим особый интерес приобретает исследование феномена семейного самосознания мужчины как осознания себя членом семьи и субъектом семейных отношений.

Семейное самосознание как индивидуальная психологическая реальность представляет собой проекцию самосознания личности на семейную сферу, направленную на осознание себя членом семьи, субъектом семейных отношений [7].

С одной стороны, личностными составляющими семейного самосозна-

ния являются установки, ценности, полоролевые стереотипы, сопряжённые с реализацией различных семейных отношений. С другой стороны, семейное самосознание является смысло-жизненной основой становления индивида как субъекта семейных отношений – оно направлено на осознание индивидом различных сторон своей психической активности, при которой происходит преобразование как семьи в целом, так и каждого её члена.

В структуре семейного самосознания выделяются три взаимосвязанных компонента – когнитивный, эмоциональный, поведенческий [8; 15; 17]. Каждый из компонентов семейного самосознания, преломляясь через спектр различных семейных отношений, приобретает своеобразное смысловое наполнение. В связи с чем представляется необходимым изучение семейного самосознания мужчины не только в единстве трёх компонентов, но и сквозь призму основных видов семейных отношений (супружеских,

детско-родительских, родственных). Такой целостный подход к изучению семейного самосознания позволяет не только исследовать особенности функционирования его у индивида, но и эффективно осуществлять сопровождение семьи, обеспечивая личностное самосовершенствование членов семьи и гармонизацию их семейных отношений [7].

Для формирования представлений о содержательной наполненности семейного самосознания мужчины был проведён анализ основных видов семейных отношений и роли мужчины в них [3]. Трёхкомпонентная структура семейного самосознания мужчины включает:

– *когнитивный компонент* – в супружеских отношениях представлен образом «Я-муж» [10; 12], в детско-родительских отношениях он включает представления о себе как об отце [6, 12], в родственных отношениях содержит образы и представления мужчины о себе в контексте родственных семейных ролей [14];

– *эмоциональный компонент* в супружеских отношениях представлен отношением к себе как супругу [1; 13], в детско-родительских отношениях включает оценку себя как отца [13; 14; 19], в родственных отношениях представлен оценкой своих качеств в контексте различных родственных ролей [2; 22];

– *поведенческий компонент* в супружеских отношениях представлен супружескими ролями и профилями брака [1; 9; 13; 20], в детско-родительских отношениях включает стиль воспитания и родительскую позицию [16], в родственных – соответствующие роли, функции и модели взаимодействия [18; 21; 23].

На основе представлений о содержательной наполненности семейного самосознания мужчины осуществлялся подбор методик для эмпирического исследования.

Характеристика выборки и методов исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 120 респондентов, проживающих в разных городах России. Выборка осуществлена по случайному принципу. Все респонденты – мужчины в возрасте от 27 до 49 лет (средний возраст 35 лет), состоящие в официальном браке не менее 3 лет (средний стаж брака 10 лет), имеющие одного (35%) или нескольких (65%) несовершеннолетних детей.

В ходе исследования были использованы следующие **методики**:

1. Для изучения когнитивного компонента семейного самосознания мужчины: методика «Круг основных ролей личности» Л. В. Куликова, Е. А. Мудровой, Т. А. Фадеевой; методика Дж. Келли «Техника репертуарных решеток».

2. Для изучения эмоционального компонента семейного самосознания мужчины: «Опросник самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантिलеева (в модификации Н. Н. Васягиной, К. В. Адушкиной).

3. Для изучения поведенческого компонента семейного самосознания мужчины: «Опросник распределения ролей в семье», опросник «Особенности общения между супругами» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской; методика PARI Е. Шеффера, Р. Белла (адаптированная Т. В. Нещерет); «Методика исследования ролевых паттернов» Ю. В. Александровой.

Для обработки данных применялись **математико-статистические методы**

(кластерный анализ, однофакторный дисперсионный анализ) с использованием программного пакета Statistica 10.

Результаты исследования и их обсуждение

Применение вышеперечисленных методик позволило выделить 68 параметров, характеризующих содержательную наполненность структурных компонентов семейного самосознания мужчины.

Особенности когнитивного компонента семейного самосознания мужчины. Анализ данных соответствующих методик показал, что семья и семейные отношения являются значимыми в самосознании мужчин. При этом представленность различных семейных ролей в самосознании мужчин не одинакова. Роли мужа и отца являются значимыми для 100% респондентов, в то время как роль сына является значимой лишь для 49% респондентов, родители которых живы. Роль брата значима для 35% мужчин, имеющих сиблингов, а то время как роль друга значима для 47% респондентов. Прочие родственные роли (внук, зять, родственник) являются наименее значимыми из всех семейных ролей, которые выполняют мужчины в семье (10%). Среди ролей, не связанных с родством, значимыми для 56% мужчин являются роли главы семьи и добытчика, что показывает важность для мужчин принятия на себя ответственности за благосостояние семьи.

Семейная сфера для мужчин является внутренне конфликтной: сложности с выполнением нескольких семейных ролей испытывают 42% респондентов, семейных ролей и роли друга – 30%

респондентов, семейных и профессиональных ролей – 68% респондентов.

Особенности эмоционального компонента семейного самосознания мужчины. 93% респондентов имеют позитивное глобальное самоотношение, им свойственно внутренне недифференцированное чувство «за» самого себя как члена семьи. Подавляющее большинство респондентов обладает выраженными самоуважением (92%), аутосимпатией (82%) и самоинтересом (67%), т. е. мужчины верят в себя и свои возможности, принимают и любят себя такими, какие они есть, испытывают интерес по отношению к собственным мыслям и чувствам. Негативная самооценка выявлена у 7% респондентов, о чём свидетельствуют низкие показатели по всем шкалам в сочетании с высокими показателями по шкале «самообвинение».

Особенности поведенческого компонента семейного самосознания мужчины. Полученные в результате анализа данные показывают, что большинство ролей реализуются в современной семье мужем и женой совместно – «воспитание детей» (83%), «эмоциональный климат в семье» (82%), «организация развлечений» (82%), «роль хозяина / хозяйки» (77%), «сексуальный партнер» (84%), «организация семейной субкультуры» (82%). Из этой тенденции ярко выделяется роль «материальное обеспечение семьи», выполнение которой 72% опрошенных мужчин полностью взяли на себя.

Гармоничность семейного самосознания мужчин характеризуется и качеством супружеского общения. В целом по выборке ситуация благоприятная – супружеское общение респондентов характеризуется взаимопониманием (83%), лёгкостью (77%),

доверительностью (57%) и сходством во взглядах с женой (57%).

Анализируя степень освоения респондентами трёх основных ролевых паттернов, супружеского, родительского и профессионального, можно отметить, что наиболее уверенно мужчины чувствуют себя в супружеских отношениях, о чём свидетельствуют высокие (20%) и средние (80%) показатели по шкале «отношение к жене “хорошего семьянина”». Далее по освоенности следуют профессиональные паттерны – лишь 2% респондентов оценивают их неудовлетворительными.

Сфера детско-родительских отношений является наиболее сложной для мужчин – большинство респондентов оценивают свои успехи в ней средними баллами (95%), при этом и процент развития невротических паттернов также является высоким (72% средних значений). Это может быть связано с тем, что отцам свойственна строгость и требовательность в вопросах воспитания, что увеличивает вероятность появления конфликтных ситуаций в

общении с ребёнком. Кроме этого, респонденты не всегда имеют возможность проводить достаточно времени с детьми, поэтому имеют меньше возможностей для выстраивания гармоничных отношений с ребёнком и освоения позитивных паттернов родительского отношения.

Гипотезой для дальнейшего исследования выступило предположение о том, что на основании комбинации элементов в содержательной наполненности семейного самосознания мужчины можно выделить типологию, отражающую особенности осознания мужчиной себя в семье, специфику его отношения к себе как члену семьи, особенности реализации им семейных ролей и функций. Для подтверждения гипотезы были использованы возможности кластерного и однофакторного дисперсионного анализа.

Кластерный анализ (метод Уорда), применённый к массиву исходных данных, позволил разделить выборку респондентов на три качественно однородные группы (кластера) (рис. 1).

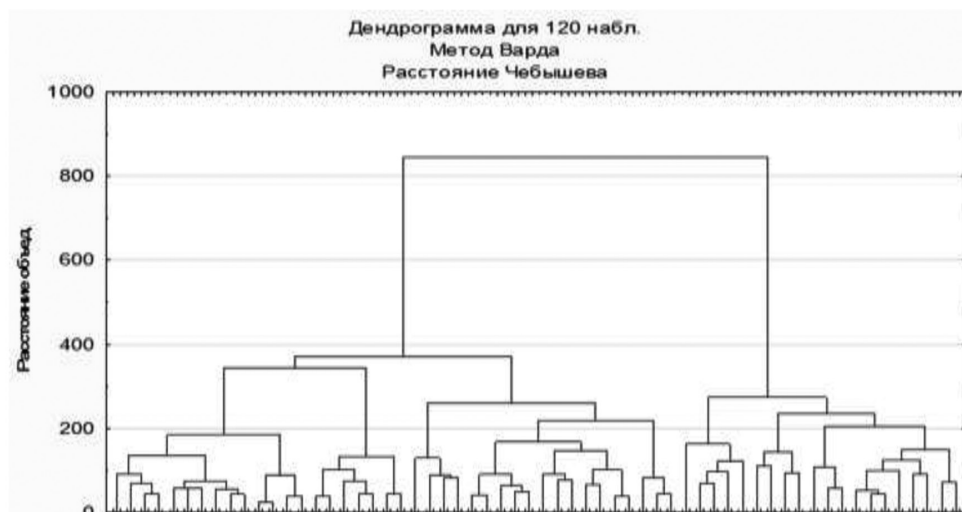

Рис. 1. Распределение выборки мужчин по результатам кластерного анализа

В соответствии с гипотезой исследования в кластеры объединены респонденты, обладающие одним типом семейного самосознания – 1 тип (35,0% выборки), 2 тип (31,7% выборки), 3 тип (33,3% выборки).

Для выявления специфических черт, характерных для каждого типа семейного самосознания мужчин, был проведён однофакторный дисперсионный анализ. В качестве зависимых переменных выступали все параметры содержательной наполненности семейного самосознания мужчины. В

качестве категориальной переменной выступал тип семейного самосознания (1, 2, 3). Выявленные в результате дисперсионного анализа статистически значимые различия средних значений параметров трёх типов семейного самосознания мужчин (табл. 1) подтвердили, что каждый из них характеризуется специфическим набором черт, отражающих особенности восприятия мужчиной себя в семье, специфику его отношения к себе как члену семьи, особенности реализации им семейных ролей и функций.

Таблица 1. Статистически значимые различия средних значений параметров трёх типов семейного самосознания мужчин

Параметры семейного самосознания мужчин	Средние значения параметров семейного самосознания мужчин		
	1 тип	2 тип	3 тип
Когнитивный компонент			
степень идентификации с несчастным мужчиной	0,9	1,1	1,6
амбивалентность идентификации	5,8	6,9	5,4
конфликт семейных и дружеских ролей	0,3	0,4	0,1
конфликт семейных и профессиональных ролей	0,4	0,6	0,8
Эмоциональный компонент			
глобальное самоотношение	96,3	90,6	70,9
самоуважение	93,3	85,5	64,0
аутосимпатия	88,7	80,5	45,1
ожидаемое отношение от других	85,2	65,7	55,8
самоинтерес	75,4	85,4	56,0
самоуверенность	89,0	88,9	60,3
самопринятие	83,9	85,8	56,1
саморуководство	81,1	72,7	63,9
самообвинение	18,4	46,5	75,8
самопонимание	85,0	66,3	61,7
Поведенческий компонент			
отношение к Другому профессионала	65,8	58,6	62,0
невротические паттерны проф. отношения к Другому	34,1	50,0	42,5
отношение к жене «хорошего семьянина»	64,9	61,2	58,6

Параметры семейного самосознания мужчин	Средние значения параметров семейного самосознания мужчин		
	1 тип	2 тип	3 тип
невротические паттерны супружеского отношения	11,1	17,5	25,0
взаимопонимание с женой	3,4	3,1	3,4
лёгкость общения	3,4	3,0	3,1
раздражительность	10,5	13,3	11,7
развитие активности ребёнка	13,4	14,3	15,2
установление контакта с ребёнком	10,1	11,1	11,3
стремление ускорить развитие ребёнка	10,4	11,8	12,1

Анализ выявленных статистически значимых различий параметров семейного самосознания позволяет утверждать, что только **1 тип семейного самосознания мужчин** (35% выборки) является гармоничным. Для мужчин, обладающих данным типом семейного самосознания, характерны ярко выраженное позитивное отношение к себе как члену семьи ($F = 80,16$, $p < 0,01$), высокое самоуважение ($F = 50,69$, $p < 0,01$), аутосимпатия ($F = 86,17$, $p < 0,01$), самопонимание ($F = 14,92$, $p < 0,01$) и опора на свои принципы при построении взаимодействия в семье (саморуководство) ($F = 10,64$, $p < 0,01$). Такие мужчины ожидают от членов семьи положительной оценки своих поведенческих проявлений в семье ($F = 17,36$, $p = 0,01$) и значимо меньше представителей других типов семейного самосознания склонны считать себя несчастными в семейной жизни ($F = 5,07$, $p = 0,01$).

Кроме этого, такие мужчины обладают развитыми позитивными профессиональными паттернами поведения ($F = 4,73$, $p = 0,01$) и эффективнее остальных совмещают выполнение семейных и профессиональных ролей ($F = 6,51$, $p = 0,01$). У мужчин, обладаю-

щих 1 типом семейного самосознания, отношения с женой также гармоничные ($F = 4,61$, $p = 0,01$), супружеское общение характеризуется лёгкостью ($F = 7,18$, $p < 0,01$) и взаимопониманием ($F = 5,56$, $p < 0,01$).

Для составления более точных «портретов» мужчин, обладающих тем или иным типом семейного самосознания, был проведён анализ речевых маркеров, используемых мужчинами при описании себя как члена семьи.

Так, мужчины, обладающие семейным самосознанием 1 типа, описывая себя, наиболее часто используют слова и выражения: «глава семьи / главный в семье», «добытчик / кормилец», «внимательный муж», «достойный зять», «заботливый отец», «любящий муж / отец / сын», «требовательный муж / отец», «хозяин в доме», «хороший отец».

Таким образом, 1 тип семейного самосознания мужчин можно назвать **«гармоничным»**, он характеризуется уверенной позицией мужчин при построении отношений как с женой, так и с ребёнком.

У мужчин, обладающих 2 и 3 типами семейного самосознания, выявлены статистически значимые различия в параметрах, характеризующих дисгар-

моничность в том или ином компоненте семейного самосознания.

Так, представители **2 типа семейного самосознания** (31,67% выборки) значимо более остальных воспринимают окружающих поляризовано (видят сходства только с приятными людьми, а различия – с неприятными) ($F = 6,23$, $p < 0,01$). Это может свидетельствовать о наличии психологических защит, неприятии действительности, стремлении её приукрасить, чтобы в своих глазах казаться лучше, чем есть на самом деле. При этом такие мужчины значимо более остальных испытывают интерес к своему внутреннему миру ($F = 20,20$, $p < 0,01$).

В отношениях с ребёнком мужчины, обладающие семейным самосознанием данного типа, значимо больше других испытывают раздражительность ($F = 11,17$, $p < 0,01$), что также является показателем дисгармоничности их семейного самосознания. Кроме этого, для них более характерны невротические паттерны профессионального отношения ($F = 5,54$, $p = 0,01$).

Анализ речевых маркеров, которые используют мужчины, обладающие семейным самосознанием 2 типа, показал, что они в три раза реже, чем мужчины, обладающие самосознанием 1 типа, используют слова, характеризующие главенствующую роль мужчины в семье (добытчик, глава). Кроме этого, в данной выборке встречаются выражения, отражающие неуверенную позицию – «бываю строгим отцом», «иногда балую детей», «время от времени внимательный», «стараюсь быть внимательным».

Таким образом, семейное самосознание мужчин 2 типа можно назвать *дисгармоничным в отношениях с же-*

ной и с ребёнком, поскольку оно отражает сложности, которые испытывает мужчина в указанных видах семейных отношений.

Мужчины, обладающие **семейным самосознанием 3 типа** (33,3% выборки), чувствуют себя значимо более несчастными в семейной жизни по сравнению с представителями остальных типов ($F = 5,07$, $p = 0,01$). Для них характерен наибольший конфликт между выполнением семейных и профессиональных ролей ($F = 6,51$, $p < 0,01$), при этом они значимо меньше остальных типов противопоставляют семейные и дружеские роли ($F = 5,72$, $p < 0,01$). Мужчины, обладающие семейным самосознанием данного типа, ожидают от членов семьи, скорее, негативной оценки своих действий, направленных на реализацию семейных ролей и функций ($F = 17,36$, $p < 0,01$). Им также значимо больше других свойственны самообвинение в случае трудностей и неудач в семейной жизни ($F = 114,08$, $p < 0,01$), меньшее принятие себя ($F = 27,56$, $p < 0,01$) и меньшая уверенность в своих поведенческих проявлениях в семье ($F = 27,56$, $p < 0,01$).

Такие мужчины, несмотря на взаимопонимание с женой, характеризуются невротическими паттернами в супружеских отношениях – считают, что жизнь в семье не зависит от их воли ($F = 7,66$, $p < 0,01$). В отношениях с ребёнком такие отцы значимо больше остальных сконцентрированы на установлении контакта с ним ($F = 3,94$, $p = 0,01$), стремятся развивать его активность ($F = 4,63$, $p = 0,01$), пытаясь тем самым ускорить его развитие ($F = 4,15$, $p = 0,01$).

Проанализировав речевые маркеры, используемые мужчинами, обла-

дающими семейным самосознанием 3 типа, при описании себя как члена семьи, можно сделать вывод, что только они в самохарактеристиках используют слова «эгоист / эгоистичный». Также, как у представителей 2 типа семейного самосознания, слова, описывающие главенствующую роль мужчины в семье, присутствуют минимально. Чаще всего в описаниях встречаются слова «заботливый», «любящий», «ответственный». Кроме этого, встречаются такие определения, как «слабохарактерный отец», «раздражительный человек», «нерешительный муж».

Таким образом, семейное самосознание мужчин 3 типа можно назвать *дисгармоничным зависимым*, так как они противопоставляют семью и карьеру, считая, что семья является препятствием их профессиональному развитию.

Заключение

Проведённый анализ позволил описать особенности трёх типов семейного самосознания мужчин.

Мужчины, обладающие гармоничным типом семейного самосознания: занимают ведущую роль в воспитании ребёнка и обладают чёткой воспитательной позицией; выстраивают с женой гармоничные отношения; обладают положительной самооценкой; ощущают себя

счастливыми в семейной жизни; несут ответственность не только за себя и свои поступки, но и за успешное функционирование семьи в целом.

Мужчины, обладающие дисгармоничным неуверенным типом семейного самосознания: выполняя роли отца и мужа, испытывают конфликт; не уверены в своей воспитательной позиции; испытывают сложности в общении с женой; отличаются серьёзным рассогласованием между Я-реальным и Я-идеальным.

Мужчины, обладающие дисгармоничным зависимым типом семейного самосознания: ограничивают сферу своих интересов рамками семьи; характеризуются несформированностью профессиональных паттернов; в отношениях с ребёнком нацелены на развитие его активности; доверяют жене, но чувствуют свою зависимость от семьи.

Знания о типах семейного самосознания мужчин позволяют подобрать эффективную стратегию и тактику сопровождения мужчины как субъекта семейных отношений. Каждый тип семейного самосознания мужчин характеризуется своими особенностями и проблемными зонами, с которыми имеет смысл проводить психологическую работу.

Статья поступила в редакцию 19.12.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М., 2004. 106 с.
2. Алмазова О. В. Особенности образа взрослого sibлинга [Электронный ресурс] // Психологические исследования: [сайт]. 2013. № 29. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2013v6n29/828-almazova29> (дата обращения: 18.12.2018).
3. Барина Е. С. К вопросу о семейном самосознании мужчины [Электронный ресурс] // Психология семьи в современном мире: сборник материалов Международной научно-практической конференции. [2017]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32722577> (дата обращения: 18.12.2018).

4. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М., 2010. 327 с.
5. Борисенко Ю. В. Психология отцовства. М., Обнинск, 2007. 220 с.
6. Борисенков В. П., Гукаленко О. В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // Науковедение. 2014. № 5. С. 1–24.
7. Васягина Н. Н., Адушкина К. В. Структурно-содержательный анализ семейного самосознания женщины // Дискуссия. 2012. № 1. С. 116–123.
8. Васягина Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: монография. Екатеринбург, 2013. 322 с.
9. Дорошина И. Г. Классификация гендерных позиций в супружеских отношениях // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 3. С. 197–202.
10. Дружинин В. Н. Психология семьи. 3-е изд. СПб., 2006. 176 с.
11. Карабанова О. А. Семья как пространство развития личности // Мир психологии. 2018. № 1 (93). С. 37–45.
12. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009. 496 с.
13. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи. М., 2006. 432 с.
14. Севастьянова У. Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским статусом // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. № 4. С. 39–42.
15. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 284 с.
16. Токарева Ю. А., Овчарова Р. В. Отцовство как социокультурный и психологический феномен // Известия академии педагогических и социальных наук. 2010. № 14. С. 682–693.
17. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977. 287 с.
18. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. М., Екатеринбург, 2006. 768 с.
19. Шульга Т. И. Состояние семей как ресурс воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 4 (45). С. 45–53.
20. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2015. 672 с.
21. Aizenberg R., Treas J. The family in Late Life – Psychological and Demographic Consideration // Handbook of the Psychology of Aging. 2nd ed. N.Y., 1985. P. 169–186.
22. Nandwana S., Katoch M. Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology // Journal of the Social Sciences. 2009. № 21 (1). P. 67–72.
23. Steward R. B., Kozak A. L., Tingley L. M., Goddard J. M., Blake E. M., Casse W. Adult sibling relationships: Validation of a typology // Personal Relationships. 2001. № 8 (3). P. 299–324.

REFERENCES

1. Aleshina Yu. E. *Individual'noe i semeinoe psikhologicheskoe konsultirovanie* [Individual and family psychological counseling]. Moscow, 2004. 106 p.
2. Almazova O. V. [Features of a grown-up sibling's image]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013, no. 29. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/828-almazova29> (accessed: 18.12.2018).
3. Barinova E. S. [On the question of family consciousness of men]. In: *Psikhologiya sem'i v sovremennom mire: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Psychology of the family in the modern world: materials of International scientific-practical conference], 2017. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32722577> (accessed: 18.12.2018).

4. Bim-Bad B. M., Gavrov S. N. *Modernizatsiya instituta sem'i: sotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz* [Modernization of the family institution: a sociological, economic and anthropological-pedagogical analysis]. Moscow, 2010. 327 p.
5. Borisenko Yu. V. *Psikhologiya otsovstva* [The psychology of fatherhood]. Moscow, Obninsk, 2007. 220 p.
6. Borisenkov V. P., Gukalenko O. V. [The institution of the family and family policy in modern Russia: problems, trends and perspectives]. In: *Naukovedenie* [Science of sciences], 2014, no. 5, pp. 1–24.
7. Vasyagina N. N., Adushkina K. V. [Structural analysis of family consciousness of the woman]. In: *Diskussiya* [Discussion], 2012, no. 1, pp. 116–123.
8. Vasyagina N. N. *Subektnoe stanovlenie materi v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve Rossii* [Subject emergence of the mother in contemporary socio-cultural space of Russia]. Ekaterinburg, 2013. 322 p.
9. Doroshina I. G. [The classification of gender in the marital relationship]. In: *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera* [Collections of conferences], 2010, no. 3, pp. 197–202.
10. Druzhinin V. N. *Psikhologiya sem'i* [Psychology of the family]. St. Petersburg, 2006. 176 p.
11. Karabanova O. A. [Family as a space of personal development]. In: *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2018, no. 1 (93), pp. 37–45.
12. Kon I. S. *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world]. Moscow, 2009. 496 p.
13. Liders A. G. *Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i* [Psychological examination of the family]. Moscow, 2006. 432 p.
14. Sevast'yanova U. Yu. [Features of fatherhood of men with different parental experience]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Socio-genetics], 2012, no. 4, pp. 39–42.
15. Stolin V. V. *Samozoznanie lichnosti* [Self-consciousness]. Moscow, 1983. 284 p.
16. Tokareva Yu. A., Ovcharova R. V. [Fatherhood as a socio-cultural and psychological phenomenon]. In: *Izvestiya akademii pedagogicheskikh i sotsial'nykh nauk* [Proceedings of the Academy of Pedagogical and Social Sciences], 2010, no. 14, pp. 682–693.
17. Chesnokova I. I. *Problema samozoznaniya v psikhologii* [The problem of consciousness in psychology]. Moscow, 1977. 287 p.
18. Shneider L. B. *Semeinaya psikhologiya* [Family psychology]. Moscow, Yekaterinburg, 2006. 768 p.
19. SHul'ga T. I. [The condition of families as a resource for education of children with disabilities]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2017, no. 4 (45), pp. 45–53.
20. Eidemiller E. G., Yustitskis V. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg, 2015. 672 p.
21. Aizenberg R., Treas J. The family in Late Life – Psychological and Demographic Consideration. In: *Handbook of the Psychology of Aging*. N.Y., 1985, pp. 169–186.
22. Nandwana S., Katoch M. Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology. In: *Journal of the Social Sciences*, 2009, no. 21 (1), pp. 67–72.
23. Steward R. B., Kozak A. L., Tingley L. M., Goddard J. M., Blake E. M., Casse W. Adult sibling relationships: Validation of a typology. In: *Personal Relationships*, 2001, no. 8 (3), pp. 299–324.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баринова Елена Сергеевна – аспирант кафедры психологии образования Уральского государственного педагогического университета;

e-mail: barinovaes@yandex.ru

Васягина Наталия Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Уральского государственного педагогического университета;

e-mail: vasyagina_n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena S. Barinova – post-graduate student of the Department of psychology of education, Ural State Pedagogical University;

e-mail: barinovaes@yandex.ru

Natalia N. Vasyagina – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of psychology of education, Ural State Pedagogical University;

e-mail: vasyagina_n@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баринова Е. С., Васягина Н. Н. Особенности семейного самосознания мужчины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 17–28.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-17-28

FOR CITATION

Barinova E. S., Vasyagina N. N. Characteristics of family self-consciousness of men. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 17–28.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-17-28

УДК 159.9.316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43

РОМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БРАК В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОКОЛЕНИЙ МИЛЛЕНИАЛОВ И БЭБИ-БУМЕРОВ

Емельянова Т. П.¹, Шмидт Д. А.²

¹ *Институт психологии Российской академии наук*

129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, корп. 1, Российская Федерация

² *Московский гуманитарный университет*

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, Российская Федерация

Аннотация. Исследование проведено на выборке в 349 человек миллениалов (поколение «Y») и бэби-бумеров. Основными методами были авторский опросник социальных представлений о близких отношениях и браке, опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой, опросник отношения к зарегистрированному браку, блок социально-демографических характеристик. Результаты позволяют говорить об отсутствии существенных различий в нравственной составляющей представлений двух поколенческих когорт. Своеобразие позиций миллениалов заключается в более жёсткой зависимости желания вступить в брак от своего материального положения, более слабой ориентации на деторождение и воспитание детей, в выраженном стремлении к профессиональным достижениям (у девушек) и большей раскованности в сексуальной жизни. Намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальные представления, поколения, миллениалы, бэби-бумеры, брачный партнёр.

ROMANTIC RELATIONS AND MARRIAGE IN SOCIAL REPRESENTATIONS OF MILLENNIALS AND BABY-BOOMERS

T. Emelyanova¹, D. Shmidt²

¹ *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences*

13/1 Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation

² *Moscow Humanitarian University*

5 Yunosti ul., Moscow 111395, Russian Federation

Abstract. The study was conducted on a sample of 349 millennials (generation «Y») and baby boomers. The main methods were the author's questionnaire of social ideas about relationships and marriage, the questionnaire «Role expectations and claims in marriage» (ROP) by A.N. Volkova, a questionnaire of attitudes towards the registered marriage, a block of socio-demographic characteristics. The results suggest that there are no significant differences in the moral component of the ideas of the two generational cohorts. The peculiarity of the Millennial positions lies in the more rigid dependence of the desire to get married on their financial situation, a weaker orientation toward childbearing and parenting, a pronounced desire for

professional accomplishments (for girls) and greater relaxedness in sexual life. The prospects for further research are outlined.

Keywords: social representations, generations, Millennials, Baby boomers, marriage partner.

Подходы к проблеме исследования

Интерес к социальным представлениям молодёжи о близких отношениях и браке вызван современными тенденциями снижения ценности семьи и брака, что выражается прежде всего в уменьшении количества официально регистрируемых браков, увеличении возраста вступления в брак, а также в росте числа разводов. В современной науке накоплен немалый опыт исследований семьи и брака (О. И. Волжина, М. С. Мацковский, Е. Ф. Молевич, Н. М. Римащевская, В. В. Солодников, Ю. В. Федотова, А. Г. Харчев и др.), в том числе в молодёжной, в первую очередь студенческой среде (О. А. Ахмазова, Я. В. Беляева).

В отечественной науке подробно изучаются феномен консенсуального брака и отношение молодёжи к новым формам семьи (Е. А. Вовк, А. Г. Вишневский, В. И. Горбачева, С. В. Захаров), акцент делается на изменении норм сексуального поведения, развитии эгалитарных отношений в семье, а также ориентации молодых людей на индивидуализм. Существенную роль в понимании процессов трансформации сознания молодёжи и её представлений о брачном партнёре играют феномены изменения стереотипов маскулинности и феминности, а также готовности молодых людей брать на себя ответственность за благополучие близких, выполнять новые семейные роли [1; 11].

Предыдущие исследования авторов [6; 7] показывают, что для молодых

людей романтические отношения зачастую представляют самостоятельную ценность в жизни [4] и далеко не всегда имеют целью заключение брака, причём не последнюю роль в формировании подобных убеждений играют социальные сети как один из основных каналов коммуникации с внешним миром. Анализ визуализации отношений в паре, проведённый на материале публикаций в социальных сетях, обнаруживает тенденцию к репрезентации романтики, позитивных переживаний и практически полное отсутствие восприятия романтических взаимоотношений как шага к созданию семьи, а это может свидетельствовать о том, что планы молодёжи на вступление в брак не очевидны. Возможно, они отодвинуты на неопределённое будущее [7].

В данной статье на материале количественного исследования (опроса) ставится проблема выявления особенностей структуры социальных представлений у молодёжи поколения Y (миллениалов) о романтических отношениях, браке и брачном партнёре в сопоставлении с представлениями старшего поколения (бэби-бумеров). Такое сопоставление поможет выявить как устойчивые культурные паттерны, так и поколенческую динамику в этой сфере человеческих отношений.

Организация исследования

Теоретическими основаниями исследования послужили: теория социальных представлений С. Московиси [5; 14] и теория поколений У. Штрауса

и Н. Хоува [13; 15]. У. Штраус и Н. Хоув трактуют поколение как совокупность всех людей, рождённых примерно в двадцатилетний промежуток времени. По мнению авторов, принадлежность к одному и тому же поколению определяется на основании соответствия трём критериям: 1) представители одного поколения пребывают в одной и той же исторической эпохе, так как на протяжении жизни (детство, молодость, средний возраст и старость) сталкиваются с одними и теми же историческими событиями примерно в одной жизненной фазе; 2) люди одного поколения разделяют общие убеждения и модели поведения; 3) тот опыт и те особенности, которые представители поколения разделяют со своими сверстниками, способствуют формированию чувства принадлежности к данному поколению.

В российской традиции изучения поколений¹ [3; 8; 9; 10; 11] молодые люди, являющиеся объектом нашего анализа, относятся к поколению миллениалов – поколению Y (1984–2000 гг. рождения, или 18–34 года на момент проведения опроса). Мы сопоставили

¹ Соколова Н. Поколение игрек [Электронный ресурс] // Профиль. 2010. № 35. URL: <https://rugenerations.ru/2010/10/01/%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B5%D0%BA> (дата обращения: 21.12.2018); Шамис Е., Никонов Е. Беби-бумеры [Электронный ресурс] // Rugenerations – российская школа теории поколений: [сайт]. URL: <https://rugenerations.ru/category/беби-бумеры-44-63> (дата обращения: 12.12.2018); Шамис Е., Никонов Е. Миллениумы (Y) [Электронный ресурс] // Rugenerations – российская школа теории поколений: [сайт]. URL: <https://rugenerations.ru/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения: 12.12.2018).

социальные представления о романтических отношениях и браке данной когорты с представлениями бэби-бумеров (1944–1963 гг. рождения, или 55–75 лет на момент проведения опроса). Выбор именно этих возрастных когорт был обусловлен известным наблюдением о том, что культурная память и поведенческие паттерны передаются во многом именно через поколение от дедов к внукам. Мы предполагали ведущее влияние поколенческого фактора наряду с проявлениями схожести представлений о близких отношениях в этих когортах. Исследование было проведено методом опроса, сбор анкет осуществлялся с помощью методики «снежный ком». Число респондентов – 349 человек, среди них миллениалов (18–34 года) – 192 человека, бэби-бумеров (56–75 лет) – 157 человек.

Опрос проведён по авторской анкете, которая состоит из следующих блоков: 1) авторский опросник социальных представлений о романтических отношениях и браке, составленный на основании контент-анализа эссе молодых людей и публикаций в социальных сетях; 2) опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А. Н. Волковой [2]; 3) блок социально-демографических характеристик, 4) блок о пользовании социальными сетями и другими каналами коммуникации.

Обработка результатов производилась с помощью программы SPSS Statistics 22. Были проанализированы частотные распределения, таблицы сопряжённости, значимые различия по критерию Манна-Уитни, а также осуществлён корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона. Для выделения ядра и

периферии социальных представлений использовался коэффициент Ж.-К. Абрика.

Целью исследования было выявление различий и сходства в социальных представлениях о романтических отношениях и браке между респондентами двух поколенческих когорт.

Программа настоящего исследования была направлена на решение задач, поставленных на основании результатов предыдущих этапов [6; 7] нашего исследования (контент-анализ эссе, написанных молодыми людьми; контент-анализ содержания публикаций в четырёх группах популярной среди молодёжи социальной сети «ВКонтакте», а также исследование визуальных материалов по тематике отношений в паре, представленных в форме изображений (фотографий, рисунков, графики)).

Задачи исследования:

1. сопоставить структуру социальных представлений о браке и романтических отношениях у миллениалов и бэби-бумеров;
2. проанализировать связь между социально-демографическими характеристиками миллениалов и их готовностью вступить в брак;
3. изучить явление «согласованность семейных ценностей супругов» у респондентов-миллениалов в сравнении с бэби-бумерами;
4. проанализировать связь между социальными представлениями миллениалов о браке и временем, которое они проводят в социальных сетях.

Результаты исследования

Оценочная шкала в авторском опроснике социальных представлений составлялась с учётом требова-

ний одного из ведущих теоретиков концепции Ж.-К. Абрика, который предложил использовать коэффициент позитивных ответов – TCP (Taux categorique positif) для выявления структуры социальных представлений. Расчёт коэффициента для каждого высказывания $TCP(i)$ производился по следующей формуле [12]:

$$TCP(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \cdot 100,$$

где $n(4)$ – число ответов «значительная степень», $n(5)$ – число ответов «очень значительная степень», N – общее число ответов.

В ядро социального представления были включены утверждения, коэффициенты которых были выше среднего плюс среднеквадратичное отклонение.

Результаты показывают, что в ядро социальных представлений респондентов-миллениалов и бэби-бумеров входят следующие четыре утверждения: «Настоящая семья имеет общие мечты и планы на будущее» ($TCP = 90$ и 92 балла соответственно); «Чувство юмора делает отношения с партнером гармоничными» (91 и 92); «В крепкой семье партнер не боится брать на себя ответственность за жизнь близких» (91 и 89); «Крайне важно, чтобы твой партнер умел находить выход из трудных жизненных ситуаций» (90 и 86).

В ядро социальных представлений миллениалов, помимо указанных пунктов, входят конструктивное решение проблем «Все проблемы возникают, когда люди почему-то не могут сесть и спокойно поговорить о наболевшем» (90 баллов против 78 у бэби-бумеров – значимые различия на уровне $p < 0,05$), нацеленность на совместное развитие

«Основная задача партнеров – помогать друг другу развиваться во всех отношениях» (89 баллов против 82 у бэби-бумеров – значимые различия на уровне $p < 0,05$), а также на отсутствие ограничений в сексе «У партнеров в сексе не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения» (89 баллов против 76 у бэби-бумеров – значимые различия на уровне $p < 0,001$). Молодые люди также демонстрируют стремление обрести единственного партнёра на всю жизнь «Нужно стремиться найти такого партнера, с которым можно было бы прожить жизнь» (89 баллов против 78 у бэби-бумеров – значимые различия на уровне $p < 0,05$), однако, как будет показано ниже, это, скорее, пожелание, чем твёрдое намерение.

В ядро социальных представлений бэби-бумеров, кроме тех пунктов, которые характерны для обеих возрастных групп, входят восприятие отношений как сложной работы (84 балла), а также акцент на творчестве (84 балла) – данные пункты уникальны для этой возрастной группы.

Концепция взаимного развития для партнёров – пункт, который сближает бэби-бумеров с молодёжью: «Отношения – это упорный труд»; «Творческие занятия делают семью крепче и гармоничнее». Эти утверждения не входят в ядро, но имеют высокие коэффициенты позитивных ответов.

Ядро социальных представлений миллениалов коррелирует с некоторыми социально-демографическими характеристиками. Можно отметить взаимосвязь по Пирсону (корреляция значима на уровне $p < 0,05$) между утверждением «В крепкой семье партнёр

не боится брать на себя ответственность за жизнь близких» и уровнем текущего и будущего субъективного благосостояния респондента, это позволяет предположить, что устойчивое материальное положение не только формирует ощущение безопасности, но и способствует развитию ответственности за близких, формированию готовности принять на себя новые обязанности.

Среди миллениалов разного пола отношение к зарегистрированному браку существенно различается. Так, к официальной регистрации брака почти в 10 раз чаще склоняются женщины, тогда как мужчины поддерживают более свободные формы семьи. Среди бэби-бумеров также наблюдается более высокая склонность женщин к зарегистрированному браку, однако разница здесь уже не столь значительна, как среди миллениалов. Кроме того, мужчины поколения бэби-бумеров выбирали вариант ответа «Не важно, сколько времени пара проводит вместе и есть ли штамп в паспорте, главное, что они считают себя семьей» не чаще, чем женщины.

На отношение к зарегистрированному браку оказывает влияние и то, в какой семье вырос человек: так, миллениалы, которые хотя бы часть детства воспитывались двумя родителями, более склонны считать зарегистрированный брак основной формой совместного проживания пары (44,3%). При этом среди тех, кто жил с родителями, которые состояли именно в зарегистрированном браке, этот показатель составляет 43,6%.

Наблюдается также зависимость в отношении к браку миллениалов, имеющих и не имеющих братьев и сестёр.

Так, к официальной форме регистрации брака чаще всего склоняются те, кто воспитывался с двумя братьями или сёстрами, а к свободной форме семьи («Не важно, сколько времени пара проводит вместе и есть ли штамп в паспорте, главное, что они считают себя семьей») – те, кто имели хотя бы одного брата или сестру.

Среди миллениалов официально зарегистрированный брак чаще всего считают наиболее правильной формой совместного проживания пары домохозяйки, безработные, а также работающие менее 20 часов в неделю. По всей вероятности, штамп в паспорте для этих людей является гарантией некоей стабильности в жизни. С другой стороны, за официальную регистрацию брака чаще выступают миллениалы, имеющие собственное жильё и чувствующие в себе силы в ближайшие 5 лет приобрести квартиру, – это может говорить о том, что наличие материальной базы воспринимается данным поколением как одно из условий заключения брака.

Те респонденты-миллениалы, которые уже состоят в зарегистрированном браке, чаще всего склонны считать данную форму отношений оптимальной (55,3%). Те, кто состоят в консенсуальном браке, гораздо чаще защищают более свободные формы семьи: с одной стороны, это может быть выражением их установок на брак, с другой стороны – оправданием сложившейся семейной практики.

Среди тех миллениалов, которые в настоящее время имеют близкие отношения, но не проживают со своим партнёром, равные доли респондентов выступают за официальный брак и свободные отношения (без обязатель-

ного совместного проживания или времяпрепровождения). Не имеющие постоянного партнёра в 34,1% случаев также поддерживают официальный брак, однако именно в этой группе респонденты чаще другой группы указывали на допустимость одиночества.

Примечательно, что у респондентов-миллениалов довольно сильно выражена установка на традиционные роли мужчин и женщин и на больший авторитет мужчины в паре, что выражается в высоком коэффициенте согласия со следующими утверждениями (не входящими в ядро): «Женское поведение – результат мужского отношения»; «Рядом с мужчиной женщина должна позволить себе быть слабой»; а также более высока доля (по сравнению с бэби-бумерами) несогласных с утверждением «Главой семьи может быть и женщина, всё зависит от личностных особенностей пары».

Для уточнения характера отношения к браку был предложен набор из 4-х утверждений с инструкцией «Выберите формулировку, которая в большей степени Вам близка». Отношение респондентов к зарегистрированному браку вычислялось как частотное распределение выборов (табл. 1).

Значения, выделенные жирным шрифтом, указывают на то, что в данном поколении конкретный вариант ответа отмечен респондентами чаще, чем в среднем по выборке. Среди миллениалов велика доля респондентов, уверенных, что для того, чтобы считаться семьёй, не обязательно не только иметь штамп в паспорте, но и проводить значительную часть времени вместе. Кроме того, в этой возрастной группе несколько ярче проявляется установка на одинокую жизнь (см.

табл. 1). Таким образом, мы видим неоднозначность в восприятии миллениалами близких отношений: высокая доля предпочтения зарегистрированного брака (41,6%), но более четверти респондентов (29,2%) не считают регистрации брака и даже совместного проживания важными для сохранения

семьи, а 12,5% уверены, что «можно прожить гармоничную жизнь в одиночестве». Итак, сама суть близких отношений воспринимается миллениалами неоднозначно, что вполне соответствует противоречивым сигналам о ценности одиночества в соцсетях [6; 7].

Таблица 1. Отношение к зарегистрированному браку представителей двух поколений (в процентах)

Выберите формулировку, которая в большей степени вам близка	Возраст		В целом по выборке
	18-34 года	56-75 лет	
Официально зарегистрированный брак – наиболее правильная форма совместного проживания пары	41,6%	49,1%	45,3%
Штамп в паспорте не важен, главное, чтобы партнеры жили вместе или проводили вместе большую часть времени	16,7%	21,0%	18,8%
Не важно, сколько времени пара проводит вместе и есть ли штамп в паспорте, главное, что они считают себя семьей	29,2%	24,2%	26,8%
Для счастья человеку не обязательно жить / большую часть времени проводить с партнером. Можно прожить гармоничную жизнь в одиночестве	12,5%	5,7%	9,1%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%

Результаты, полученные в ходе анализа ответов на опросник ролевых ожиданий и притязаний в браке А. Н. Волковой [2], указывают на характерные различия между ожиданиями и притязаниями в браке миллениалов и бэби-бумеров (согласно концепции автора методики, ролевые ожидания – это установка на активное выполнение партнёром семейных обязанностей, а ролевые притязания – личная готовность каждого из партнёров выполнять семейные роли).

По шкале «Интимно-сексуальные» брачные ценности и миллениалы, и бэби-бумеры поставили средние оценки

(4,22 балла мужчины и 4,38 балла женщины из поколения Y; 5,09 и 4,15 балла мужчины и женщины из бэби-бумеров соответственно – при следующих стандартах: низкие оценки по шкалам – 0–3 балла; средние – 4–6 балла; высокие – 7–9 баллов), что позволяет говорить о том, что сексуальная гармония является для них важным условием супружеского счастья, однако значение данной сферы не переоценивается.

По шкале «Личностная идентификация с супругом» получены средние, ближе к высоким, оценки (5,81 балла мужчины и 6,38 балла женщины из

поколения Y; 6,88 и 6,59 балла мужчины и женщины из бэби-бумеров соответственно), что указывает на то, что респонденты ожидают от семейной жизни общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения. Значимые различия на уровне $p < 0,05$ обнаружались в оценке утверждения «Главное в браке – чтобы у мужа и жены было много общих интересов».

По «Хозяйственно-бытовой» шкале у обоих поколений также наблюдаются средние оценки (5,09 балла мужчины и 6,01 балла женщины из поколения Y; 5,96 и 6,18 балла мужчины и женщины из бэби-бумеров соответственно). При этом мужчины в большей степени предъявляют требования к участию супруги в организации быта, в то время как женщины в большей мере демонстрируют установки на собственное активное участие в ведении домашнего хозяйства. У женщин старшего поколения по утверждению «Я люблю заниматься домашними делами» эта тенденция выражена сильнее ($p < 0,05$). Таким образом, по данной шкале представители разных полов (в обоих поколениях) дополняют друг друга, и рассогласованности установок не наблюдается.

По «Родительско-воспитательной» шкале в обоих поколениях наблюдаются средние оценки, однако для бэби-бумеров данная сфера имеет большую значимость (6,21 и 6,99 балла среди мужчин и женщин соответственно), нежели для миллениалов (4,92 и 5,98 балла среди мужчин и женщин соответственно). Достоверные различия между поколениями проявились на уровне $p < 0,001$ в оценке суждений «Для меня главное в супруге, чтобы

он(а) был(а) хорошим отцом / хорошей матерью моим детям», «Я люблю детей и с удовольствием занимаюсь с ними», «Мужчина / женщина, который(ая) тяготится отцовством / материнством, неполноценный(ая) мужчина / женщина» и «Я не боюсь трудностей, связанных с рождением и воспитанием ребёнка».

По шкале «Социальная активность», которая характеризует значимость внешней социальной жизни (профессиональной, общественной) для стабильности брачно-семейных отношений, у представителей обоих поколений наблюдаются средние оценки, приближающиеся к высоким (5,99 балла мужчины и 6,99 балла женщины из поколения Y; 6,99 и 6,59 балла мужчины и женщины из бэби-бумеров соответственно). Значимые различия между поколениями проявились в трёх из шести суждений шкалы: «Для меня очень важно, как оценивают на работе деловые и профессиональные качества моего(ей) супруга(и)», «Я стремлюсь добиться своего места в жизни» на уровне $p < 0,05$ и «Я хочу стать хорошим специалистом в своем деле» ($p < 0,001$). Мужчины обоих поколений, а также женщины-миллениалы демонстрируют несколько большую готовность к активной социальной жизни и профессиональной реализации по сравнению с той, которую они ожидают от партнёра. Что же касается женщин из поколения бэби-бумеров, их притязания в данной сфере оказались ниже, чем ожидания от партнёра.

По «Эмоционально-психотерапевтической» шкале, которая демонстрирует значимость взаимной моральной и эмоциональной поддержки членов семьи, ориентацию на брак как сред,

способствующую психологической разрядке и стабилизации эмоционального состояния, оба поколения также поставили средние оценки, приближающиеся к высоким (6,22 балла мужчины и 6,94 балла женщины из поколения Y; 6,31 и 6,79 балла мужчины и женщины из бэби-бумеров соответственно), значимых различий не обнаружено. По данной шкале все респонденты продемонстрировали высокие ожидания от партнёра (7,11 балла – ожидания мужчин-миллениалов, 7,36 – женщин-миллениалов, 7,38 – мужчин и 7,20 женщин-бэби-бумеров), в то время как сами проявили меньшую готовность оказывать психологическую поддержку и сохранять благоприятный климат в семье (5,33 балла – у мужчин-миллениалов, 6,51 – у женщин-миллениалов, 5,24 – у мужчин и 6,38 у женщин из бэби-бумеров). У женщин обоих поколений такая готовность выше, чем у мужчин.

И, наконец, по шкале «Внешняя привлекательность», которая отражает установку на значимость внешнего облика партнёра, его соответствие стандартам современной моды, представители обоих полов поставили средние оценки (5,46 балла мужчины и 6,35 балла женщины из поколения Y; 5,86 и 6,01 балла мужчины и женщины из бэби-бумеров соответственно). Значимые различия между поколениями проявились в суждениях «Мое настроение во многом зависит от того, как я выгляжу» и «Я стараюсь носить ту одежду, которая мне идет» ($p < 0,05$). У мужчин обоих поколений, а также у женщин-бэби-бумеров наблюдается рассогласованность между ожиданиями от партнёра и готовностью самим хорошо выглядеть (ожидания превы-

шают притязания), и только у женщин-миллениалов готовность следить за своим внешним видом находится на том же уровне, что и ожидания от партнёра.

Методика А. Н. Волковой [2] также позволяет оценить ролевую адекватность партнёров¹. Если говорить о миллениалах, в данном поколении наблюдается недостаток ролевой адекватности мужчин: ожидания женщин по отношению к ним в целом существенно превосходят готовность представителей сильного пола выполнять те или иные функции. Сумма оценок ролевой адекватности мужчин по пяти шкалам: «Хозяйственно-бытовая», «Родительско-воспитательская», «Социальная активность», «Эмоционально-психотерапевтическая», «Внешняя привлекательность» составляет –7,54 балла. Ролевая адекватность мужчин по каждой шкале рассчитывалась как разность между притязаниями и ожиданиями мужчин по данной шкале. Недобор оценок мужчинами наблюдается по всем шкалам, но сильнее всего по «Эмоционально-психотерапевтической» (–2,03 балла), «Внешняя привлекательность» (–1,91 балла), а также «Социальная активность» (–1,55 балла).

Женщины-миллениалы же, напротив, несколько превосходят ожидания мужчин (разность составляет 2,59 балла), демонстрируя большую готовность выполнять функции по шкалам «Родительско-воспитательная» (1,14 балла) и «Социальная актив-

¹ Например, ролевая адекватность жены будет равняться разности оценок ролевых притязаний жены и ролевых ожиданий мужа, и наоборот.

ность» (1,40 балла), нежели этого ожидают от них мужчины-сверстники.

Что касается бэби-бумеров, среди них также наблюдается недостаток ролевой адекватности мужчин: ожидания женщин по отношению к ним превосходят ролевые притязания мужчин. Сумма оценок ролевой адекватности мужчин по пяти шкалам составляет –7,16 балла. Однако и женщины-бэби-бумеры не в полной мере удовлетворяют ожиданиям мужчин (–2,70 балла), что в первую очередь происходит за счёт шкалы «Внешняя привлекательность» (–1,62).

В авторской анкете был предусмотрен блок вопросов о пользовании социальными сетями, что позволило выявить некоторые зависимости между интернет-поведением респондентов и восприятием близких отношений. Среди миллениалов пользователей социальных сетей оказалось 99% (из них 49,7% проводят в соцсетях больше двух часов в день), среди бэби-бумеров – 69,4% (из них 35,8% посвящают соцсетям больше двух часов ежедневно). Необходимо заметить, что сбор анкет осуществлялся методом «снежного кома», в результате чего в выборку попали преимущественно респонденты с высшим образованием. В том случае, если бы количественный опрос проводился по репрезентативной выборке, доля бэби-бумеров, не пользующихся соцсетями (и интернетом вообще), скорее всего, была бы выше.

Те миллениалы, которые посвящают соцсетям более двух часов в день, значительно чаще, чем остальные представители данного поколения, считают, что: «Крайне важно, чтобы твой партнёр умел находить выход из трудных жизненных ситуаций» ($p < 0,001$)

и «Совместная жизнь предполагает отказ от части своих интересов, и это нормально» ($p < 0,01$).

Полученные данные требуют дополнительного анализа относительно позиции тех миллениалов, кто больше других занят интернетом: они ориентированы на чувства и эмоции без привязки к их продолжительности (57,8%); считают, что семья нужна не в первую очередь для того, чтобы воспитывать детей (51,6%); не согласны с главенствующей ролью мужчин в вопросе материального обеспечения семьи (60,0%); они готовы к смене нескольких партнёров в течение жизни (52,6%). Превалирующая доля таких убеждений даёт основание предполагать наличие связи между вовлечённостью в виртуальное пространство и отсутствием стремления к стабильности в отношениях.

Обсуждение результатов

Решая задачи исследования, мы предполагали, что у представителей поколения миллениалов и поколения бэби-бумеров, условно «внуков и дедов», будет больше различий в представлениях о близких отношениях и браке, чем сходства в силу культурно-исторических особенностей их социализации. Советские условия воспитания старшего поколения, политико-экономический и общекультурный контекст их жизни с жёстко артикулированными нравственными нормами «строителя коммунизма» радикально отличались от постперестроечной реальности, в которой выросли миллениалы. Между тем результаты нашего исследования показывают, что нравственная составляющая традиции совместной жизни в целом поддерживается младшим поколением в части значения общности планов, чаяний в семье, ответственности

перед близкими, позитивного настроения. Миллениалы в большей степени, чем старшее поколение, ратуют за взаимную поддержку партнёров в развитии, за разумное разрешение споров и за сексуальную раскрепощённость партнёров. При этом специфической чертой младшего поколения выступает меньшая ценность зарегистрированного брака, т. е. семья может, по их представлениям, успешно существовать и в других формах.

Эти результаты подтверждают данные, полученные нами с применением качественных методов: анализа содержания форумов в интернете и контент-анализа эссе молодёжи [6], где в ядро социальных представлений вошли категории «развитие и реализация партнёра» («вдохновлять партнёра на поступки, мотивировать», «обучать, помогать») и «вербальные контакты» («иметь общие темы и интересы», «советоваться, обсуждать»). В отличие от эссе, где наблюдался баланс между кооперативными и индивидуалистическими установками, в количественном опросе миллениалы продемонстрировали склонность к ценностям единства (основу представлений составляют идеи ответственности, жизненной стойкости и гармоничной общности с партнёром). Важно отметить, что в ядро социальных представлений миллениалов вошла и тема верности, которой в эссе респонденты уделяли крайне мало внимания. Можно предположить, что значимость верности является настолько само собой разумеющейся, что при написании эссе на заданную тему¹ участники исследования не считали нужным акцентировать внимание на ней.

¹ Задание для эссе: «Опишите, пожалуйста, партнёра в счастливой паре. Каковы его (её) характеристики, поведение?»

Обращает на себя внимание наличие у миллениалов корреляционной связи между материальным положением и идеей ответственности за близких. По всей вероятности, устойчивое материальное положение не только формирует ощущение безопасности, но и приводит к готовности принять на себя новые обязанности, заботиться о партнёре. Миллениалы, имеющие собственное жильё и чувствующие в себе силы в ближайшие 5 лет приобрести квартиру, чаще демонстрируют установку на официальный брак. С другой стороны, на официальную регистрацию брака нацелены домохозяйки, безработные, а также люди, работающие менее 20 часов в неделю. Видимо, зарегистрированный брак для этих людей является гарантией стабильности в жизни.

Анализ ролевых ожиданий и притязаний миллениалов позволяет утверждать, что рассогласованности семейных ценностей у мужчин и женщин этого поколения не наблюдается, однако присутствует недостаток ролевой адекватности (по методике Волковой) у мужчин: ожидания женщин по отношению к ним в целом существенно превосходят готовность представителей сильного пола выполнять те или иные функции. Недобор оценок мужчинами наблюдается прежде всего по шкалам «Эмоционально-психотерапевтическая», «Внешняя привлекательность», а также «Социальная активность». Женщины-миллениалы же, напротив, несколько превосходят ожидания мужчин, демонстрируя большую готовность выполнять функции по шкалам «Родительско-воспитательная» и «Социальная активность», нежели этого ожидают от них мужчины-сверстники. При этом в сравнении с респондентами старшей когор-

ты они придают достоверно меньшую значимость родительским функциям в семье.

Предположение о наличии зависимости между социальными представлениями миллениалов и временем, которое они проводят в социальных сетях, подтвердилось частично. Те, кто посвящают социальным сетям больше двух часов в день, обнаруживают тенденцию к отсутствию стремления к стабильности в отношениях. Впрочем, она нуждается в дополнительных доказательствах.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что в своих представлениях о близких отношениях и браке миллениалы в целом принципиально не расходятся с бэби-бумерами в том, что касается нравственных основ отношений в паре. Разумеется, реалии современной жизни обуславливают особые черты в этой сфере отношений у молодёжи – более жёсткую зависимость желания вступить в брак от своего ма-

териального положения, более слабую ориентацию на деторождение и воспитание детей, на более выраженную самореализацию в профессиональной жизни (у девушек), большую раскованность в сексуальной жизни и др.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется выявление различных позиций в восприятии миллениалами содержания и условий формирования близких отношений в паре, уточнение внутренних факторов, обуславливающих разные взгляды молодёжи на брак, семью и партнёра. Необходимо также дальнейший анализ влияния внешних условий на сознание молодёжи в этой сфере отношений – межличностных взаимодействий, интернета, ориентации на отечественные или зарубежные традиции, роли кинематографа, художественной литературы. Эти знания позволят лучше понимать поколение миллениалов и налаживать продуктивные межпоколенческие отношения.

Статья поступила в редакцию 14.01.2019 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках темы НИР по госзаданию № 0159-2019-0002 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

ACKNOWLEDGMENTS

The work was carried out within the theme of research on the state task № 0159-2019-0002 «Psychology of collective subject in the changing conditions of joint life».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванюхина Н. В., Семенова-Полях Г. Г. Психологическая готовность молодежи к брачно-семейным отношениям: сравнительный аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 306–309.
2. Волкова А. Н. Ролевые ожидания и притязания в браке (РОП) // Олифинович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб., 2007. С. 184–194.

3. Гришай В. Н., Зенин К. А. К вопросу о воспроизводстве социальных тенденций в контексте теории поколений // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. № 2 (219). С. 88–93.
4. Емельянова Т. П. Будущий брак в социальных представлениях юношей и девушек студенческого возраста // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. 2014. № 3 (май – июнь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Emelianova_Marriage-Students (дата обращения: 04.04.2018).
5. Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М., 2016. 476 с.
6. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Представления о будущем партнере и браке, транслируемые в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document346.pdf-0,5> (дата обращения: 04.04.2018).
7. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений) // Социальная и экономическая психология. Ч. 2: Новые научные направления / отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М., 2018. С. 321–336.
8. Зайцева Н. А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2 (3). С. 220–236.
9. Исаева М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.
10. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
11. Потемкина К. В., Шестеро Ю. В. Психологическая готовность к семейной жизни юношей и девушек студенческого возраста // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2017. Т. 12. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770220.htm> (дата обращения: 21.12.2018).
12. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles // Actes de la Cinquième conférence internationale sur les représentations sociales. Montréal, 2000, pp. 87–88.
13. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation, New York, 2000. 432 p.
14. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / eds. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, Paris, 1984, pp. 3–69.
15. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny. New York, 1997. 357 p.

REFERENCES

1. Vanyukhina N. V., Semenova-Polyakh G. G. [Psychological readiness of youth to marriage and family relations: comparative aspect]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [The azimuth of research: pedagogy and psychology], 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 306–309.
2. Volkova A. N. [Role expectations and claims in marriage (ROP)]. In: Olifirovich N. I., Zinkevich-Kuzemkina T. A., Velenta T. F. *Psikhologiya semeinykh krizisov* [the Psychology of family crises]. St. Petersburg, 2007, pp. 184–194.

3. Grishay V. N., Zenin K. A. [On the question of the reproduction of social developments in the context of the theory of generations]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adyge State University], 2018, no. 2 (219), pp. 88–93.
4. Emel'yanova T. P. [Future marriage in the social representation of boys and girls of student age]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie: informatsionnyi gumanitarnyi portal* [Knowledge. Understanding. Skill: Information humanitarian portal], 2014, no. 3 (May – June). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Emelianova_Marriage-Students (accessed: 04.04.2018).
5. Emel'yanova T. P. *Sotsial'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social representations: History, theory and empirical research]. Moscow, 2016. 476 p.
6. Emel'yanova T. P., Shmidt D. A. [Ideas about future partner and marriage broadcast in social network “Vkontakte”]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2017, vol. 2, no. 2. Available at: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document346.pdf-0,5> (accessed: 04.04.2018).
7. Emel'yanova T. P., Shmidt D. A. [Romance and commitment to marriage, the represented Internet communities (experience in the analysis of visual messages)]. In: Kovaleva Yu. V., Nestik T. A., eds. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. Ch. 2: Novye nauchnye napravleniya* [Social and economic psychology. Part 2: New research directions]. Moscow, 2018, pp. 321–336.
8. Zaytseva N. A. [Generation theory: are we different or the same?]. In: *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: a view into the future], 2015, no. 2 (3), pp. 220–236.
9. Isaeva M. A. [Generation of the crisis and the rise in the theory of W. Strauss and N. Howe]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2011, no. 3, pp. 290–295.
10. Ozhiganova E. M. [The theory of generations by N. Howe and W. Strauss. Opportunities for practical applications]. In: *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business education in the economy of knowledge], 2015, no. 1, pp. 94–97.
11. Potemkina K. V., Shestero Yu. V. [Psychological readiness for marriage of boys and girls of student age]. In: *Kontsept: Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: Scientific-methodical electronic journal], 2017, vol. 12. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/770220.htm> (accessed: 21.12.2018).
12. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles. In: *Actes de la Cinquième conférence internationale sur les représentations sociales*. Montréal, 2000, pp. 87–88.
13. Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York, 2000. 432 p.
14. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Farr M., Moscovici S., eds. *Social representations*. Cambridge, Paris, 1984, pp. 3–69.
15. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny*. New York, 1997. 357 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянова Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии РАН;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Шмидт Дарья Александровна – аспирант кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета;
e-mail: dariashmidt@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana P. Emelyanova – Doctor of psychology, Professor, leading researcher of the Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Daria A. Shmidt – post-graduate student of the Department of social and ethnic psychology, Moscow Humanitarian University;
e-mail: dariashmidt@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 29–43. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43

FOR CITATION

Emelyanova T. P., Shmidt D. A. Romantic relations and marriage in social representations of Millennials and baby-boomers. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 29–43.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43

УДК 796.01:159.9-053.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-44-49

ЦЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СПОРТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Остапенко Д. К.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены результаты проведённого исследования ценностей подростков с разной степенью вовлечённости в спортивную деятельность. Описаны методология и методы исследования, а также методики изучения ценностно-смысловой сферы подростков. Для исследования значимости ценностей разработана и описана модель вовлечённости подростков в спортивную деятельность, включающая четыре ступени. Это позволило раскрыть значимость спортивной деятельности в формировании ценностно-смысловой сферы подростков и сформулировать рекомендации для специалистов по привлечению подростков к занятиям спортом.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, ценности, подростки, спортивная деятельность, вовлечённость.

VALUES OF ADOLESCENTS, INVOLVED IN SPORTS ACTIVITIES

D. Ostapenko*Moscow Region State University,**24 Vera Voloshina ul., Mytyschi, Moscow reg. 141014, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the results of the study of adolescents' values when they are involved into sports activities at varying degrees. The methodology and methods of research are described, as well as the methods for studying the value-sense sphere of adolescents. For value significance study a model of adolescent involvement into sports activities, including four stages, was developed and described. This made it possible to reveal the importance of sports activities in the formation of the value-semantic sphere of adolescents and to formulate recommendations for specialists on the involvement of adolescents into sports.

Keywords: value-semantic sphere, values, adolescents, sports activities, involvement.

Важность изучения ценностно-смысловой сферы подростков обусловлена ролью ценностей в жизни человека. По мнению психологов, ценности – это «... дифференцирующие базовые понятия добра и зла, кристаллизуют личный жизненный опыт человека, своеобраз-

ные его потребности и переживаний, определяют мотивационную структуру личности, выступая как источники индивидуальной мотивации, функционально равные потребностям» [2, с. 26]. Т. А. Попова подчёркивает значимость психолого-педагогической поддерж-

ки становления элементов ценностно-смысловой сферы у современной молодёжи в настоящее время [6]. Отмечается высокая значимость системы ценностей, выступающей осознанным ориентиром в формировании отношений к миру и к себе, которой руководствуется человек в ракурсе постоянно усложняющейся системы отношений [5].

Спортивная деятельность рассматривается в психологии как особый, самостоятельный вид деятельности [1]. Согласно А. В. Челпанову, человек в спортивной деятельности, используя свои физические и психические возможности, может проявлять своё совершенство [8]. Важно отметить, что спортивная деятельность, по мнению большинства специалистов, способна выявлять особенности личности человека и его достижения [3; 7].

Интерес к феномену вовлечённости в психологической науке появился достаточно давно. Во второй половине XX в. данное понятие рассматривалось в контексте рекламы [10; 11]. В русле спортивной психологии за рубежом вовлечённость изучали Б. Хилл и Б. С. Грин [9]. Они представляют спортивную вовлечённость как воспринимаемую потребителем важность спорта, выделяют её значимость.

В настоящий момент в исследованиях ценностно-смысловая сфера рассматривается как сложное образование, имеющее свою иерархию и включающее в себя ценности и смыслы человека. Ценностно-смысловая сфера обладает определёнными характеристиками и способна изменяться на протяжении всей жизни человека. Ценность можно определить как устойчивое психическое образование, способное повлиять на жизнь человека, на выбор его стратегии

деятельности. Смысл может быть рассмотрен как ценность наивысшего порядка.

Целью описываемого исследования было изучение ценностей подростков, по-разному вовлечённых в спортивную деятельность.

Гипотезой данного исследования послужило предположение, что вовлечённость в спортивную деятельность может являться фактором изменения ценностно-смысловой сферы. При этом ценности претерпевают изменения (трансформации), обусловленные их значимостью и достижениями подростков-спортсменов.

Ценностно-смысловая сфера подростков изучалась следующими методиками:

1. Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности С. С. Бубнова [4];
2. Морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной [4];
3. Методика диагностики индивидуальных ценностей С. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева [4].

Выборка исследования составила 200 респондентов подросткового возраста (13–16 лет), из которых 99 юношей и 101 девушка. Все респонденты были распределены по четырём группам в зависимости от степени их вовлечённости в спортивную деятельность.

С помощью факторного анализа изучаемые 40 ценностей были объединены в 10 групп: «сохранение и развитие собственной личности; традиции и конформизм; самостоятельность; социальный статус, власть и материальное положение; забота о здоровье как часть общей культуры; милосердие и доброта по отношению ко всему окру-

жающему; интерес к знаниям, наслаждение прекрасным и попытка сделать этот мир лучше; приятное времяпре-

провождение, отдых; общение; признание и уважение людей, влияние на окружающих» [4, с. 73] (см. табл. 1).

Таблица 1. Значимость ценностей у подростков 4 групп

Значимость 10 ценностей	Группа			
	1	2	3	4
Сохранение и развитие собственной личности	-0,37	0,18*	0,06	0,11
Традиции и конформизм	-0,05	-0,03	-0,11	0,17
Самостоятельность	0,07	0,31	0,03	-0,39
Социальный статус, власть и материальное положение	-0,20	-0,24	0,17	0,25
Забота о здоровье как часть общей культуры	-0,07	-0,21	0,23	0,06
Милосердие и доброта по отношению ко всему окружающему	0,06	0,06	-0,12	0,00
Интерес к знаниям, наслаждение прекрасным и попытка сделать мир лучше	0,38	0,15	0,04	-0,52
Приятное времяпрепровождение, отдых	0,18	-0,22	-0,14	0,07
Общение	-0,25	0,51	-0,04	-0,23
Признание и уважение людей, влияние на окружающих	-0,35	0,20	0,04	0,07

* Выделено при $p < 0,05$.

Использование метода ANOVA позволило доказать существование взаимосвязи между описанными факторами, в состав которых входят ценности, и степенью вовлечённости подростка в спортивную деятельность:

- показано, что чем сильнее подросток вовлекается в спортивную деятельность, тем более значимой становится для него личная ценность сохранения себя. Вероятно, это связано с тем, что спорт рассматривается подростком как возможность улучшить и развить себя, свою форму. Начав заниматься спортом, подросток может воспринимать и разделять ценности окружающих – тренеров, товарищей по команде ($p < 0,05$);

- значимость ценности «самостоятельность» возрастает до момента достижения подростком серьёзных успехов в спорте, а затем начинает снижаться. Это

может объясняться тем, что, занимаясь постоянно спортом, «подросток имеет возможность проявить себя, начинает чувствовать независимость от родителей, приобретает самостоятельность в принятии решений» [4, с. 73]. Подростки, добиваясь результатов в спорте, всё больше понимают, насколько важно учитывать мнение специалистов ($p < 0,005$);

- при вовлечении подростков в спортивную деятельность значимость ценности «социальный статус, власть и материальное положение» возрастает, что можно объяснить тем, что по мере достижения результатов в спорте подростки видят преимущества наличия материальных ценностей и понимают, что часто для спортивной карьеры необходимы финансовые вложения ($p < 0,05$);

- выявлено, что по мере вовлечения в спортивную деятельность значимость

для подростков ценности «забота о здоровье как часть общей культуры» меняется неравномерно: когда подросток начинает заниматься спортом, значимость этой ценности возрастает, при этом при больших достижениях в спорте подросток считает здоровье важной для него ценностью. Такие изменения значимости данной ценности могут объясняться осознанием молодыми людьми важности здоровья, а затем, по мере достижения высоких результатов, значимой становится именно ценность «забота о здоровье как часть общей культуры» ($p < 0,05$);

– такие ценности, как «интерес к знаниям, наслаждение прекрасным и попытка сделать мир лучше» и «общение» по мере вовлечения подростка в спортивную деятельность снижаются, и это объясняется тем, что по мере достижения результатов в спорте у подростка всё меньше времени остаётся на другие виды деятельности, в том числе – общение ($p < 0,05$);

– важность ценности «признание и уважение людей, влияние на окружающих» для подростков меняется неравномерно, что может объясняться положительной оценкой окружающих начала занятий спортом и тем, что по мере вовлечения в спортивную деятельность у человека остаётся всё меньше времени на общение с другими ($p < 0,05$) [4].

Выводы:

1. Подростки, занимающиеся спортом и добивающиеся значительных результатов, имеют наиболее значимые ценности, такие как «сохранение и развитие собственной личности; традиции и конформизм; самостоятельность; социальный статус, власть и материальное положение; забота о здоровье как часть общей культуры; ми-

лосердие и доброта по отношению ко всему окружающему; интерес к знаниям, наслаждение прекрасным и попытка сделать этот мир лучше; приятное времяпрепровождение, отдых; общение; признание и уважение людей, влияние на окружающих» [4, с. 73].

2. По мере вовлечения в спортивную деятельность у подростков, занимающихся спортом, наиболее подвержены изменениям эгоистически-престижные ценности, так как повышается роль и значимость материального положения, которое является часто наградой за достижения.

3. Менее значимыми ценностями по мере вовлечения подростков в спортивную деятельность являются духовно-нравственные, которые также связаны с большей занятостью спортивной деятельностью.

4. Для 1 группы подростков, которые занимаются физической культурой, ценностями являются интерес к знаниям, наслаждение прекрасным и попытка сделать мир лучше.

Полученные в исследовании результаты позволили разработать модель вовлечённости подростков в спортивную деятельность, которая требует дополнительных исследований. Процесс вовлечённости в спортивную деятельность включает четыре ступени: осведомлённость, привлекательность, привязанность, преданность. Сформулированы рекомендации для специалистов: учителей физической культуры, тренеров, спортивных психологов – по привлечению подростков к занятиям спортом. Наибольшее внимание специалистам необходимо уделять оценке достижений в спорте, важности данного вида деятельности для физического развития подростка. Особое внимание следует

обращать и на значимые ценности, которые реализуются в спортивной деятельности. Рекомендации направлены на повышение интереса к спортивной деятельности, дают возможность показать значимость спорта для общения с

окружающими, привлечь подростков к участию в спортивных праздниках и фестивалях, подчеркнуть важность саморазвития в спорте.

Статья поступила в редакцию 11.01.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данина М. М., Куминская Е. А., Маркашова Е. И. Адаптация опросника шкала спортивной мотивации-6 (Sport Motivation Scale-6) на выборке взрослых, занимающихся любительским фитнесом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 1. С. 25–32.
2. Особенности ценностной сферы девушек с различным отношением к родительской позиции матери на этапе вхождения во взрослость / О. А. Карабанова и др. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 24–37.
3. Кардялис К., Шукис С., Янкаускене Р. Юношеский спорт – фактор социализации // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 87–96.
4. Остапенко Д. К. Особенности ценностной сферы подростков с разной степенью вовлеченности в спортивную деятельность // Спортивный психолог. 2016. № 3 (42). С. 72–74.
5. Ощепков А. А., Овсяник О. А., Салахова В. Б. Исследование динамики системы ценностей подростка под воздействием социально-психологического тренинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 61–71.
6. Попова Т. А. Исследования представлений о смысле жизни у подростков и юношей методом логоарт-терапии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 1. С. 90–97.
7. Трофимова И. Н. Молодежь группы риска и спорт // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 61–86.
8. Челпанов А. В. Ценностные и коммуникативные особенности личности любителей и профессионалов в спортивной командной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 171 с.
9. Hill B., Green B. C. Repeat attendance as a function of involvement, loyalty, and the sportscape across football contexts // Sport Management Review. 2000. № 3. P. 145–162.
10. Howard J. A., Sheth J. N. The Theory of Buyer Behavior. New-York, 1969. 474 p.
11. Krugman H. E. The measurment of advertising involvement // The Public Opinion Quarterly. 1966. № 30. P. 583–596.

REFERENCES

1. Danina M. M., Kuminskaya E. A., Markashova E. I. [Adaptation of the questionnaire sports motivation scale-6 (Sport Motivation Scale-6) on a sample of adults engaged in Amateur fitness]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 1, pp. 25–32.
2. Karabanova O. A. et al. [Features of valuable sphere of girls with different attitudes to the parental attitude of the mother at the stage of entering into adulthood]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universitete. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 4, pp. 24–37.

3. Kardyalis K., Shukis S., Yankauskene R. [Youth sports as a factor of socialization]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2005, no. 11, pp. 87–96.
4. Ostapenko D. K. [Features valuable sphere of adolescents with different degrees of involvement into sports activity]. In: *Sportivnyi psikholog* [Sports psychologist], 2016, no. 3 (42), pp. 72–74.
5. Oshchepkov A. A., Ovsyanik O. A., Salakhova V. B. [Study of the dynamics of the system of values of a teenager under the influence of socio-psychological training]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 2, pp. 61–71.
6. Popova T. A. [The study of adolescents and young men's ideas about the meaning of life by the logoart therapy method]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 1, pp. 90–97.
7. Trofimova I. N. [At-risk youth and sports]. In: *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2013, no. 2, pp. 61–86.
8. Chelpanov A. V. *Tsennostnye i kommunikativnye osobennosti lichnosti lyubitelei i professionalov v sportivnoi komandnoi deyatelnosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Values and communicative personality characteristics of amateur and professional sport team activities: PhD thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg, 2006. 171 p.
9. Hill B., Green B. C. Repeat attendance as a function of involvement, loyalty, and the sportscape across football contexts. In: *Sport Management Review*, 2000, no. 3, pp. 145–162.
10. Howard J. A., Sheth J. N. *The Theory of Buyer Behavior*. New York, 1969. 474 p.
11. Krugman H. E. The measurement of advertising involvement. In: *The Public Opinion Quarterly*, 1966, no. 30, pp. 583–596.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Остапенко Дарья Константиновна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета, педагог-психолог, Детский сад № 6 «Солнышко», г. Дзержинский;
e-mail: glasha04022809@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daria K. Ostapenko – postgraduate student at the Department of social psychology, Moscow Region State University, educational psychologist, Nursery school no. 6 «Solnyshko»;
e-mail: glasha04022809@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Остапенко Д. К. Ценности подростков, вовлечённых в спортивную деятельность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 44–49.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-44-49

FOR CITATION

Ostapenko D. K. Values of adolescents, involved in sports activities. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 44–49.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-44-49

УДК 316.35

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-50-65

ОЦЕНКА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ СПЕЦИАЛИСТАМИ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Суслова Т. Ф., Комарова Н. М., Грибкова С. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования оценки социальными работниками миграционной ситуации в России и проблем детей из семей мигрантов, возникающих в процессе их этнокультурной адаптации. Исследование проводилось с помощью метода письменного опроса 142 социальных работников. Были выявлены типичные, с точки зрения социальных работников, проблемы детей мигрантов, условия и механизмы успешности этнокультурной адаптации детей мигрантов и наиболее часто используемые в социальных организациях мероприятия, направленные на оказание помощи семье и детям мигрантов.

Ключевые слова: этнокультурная адаптация, семьи и дети мигрантов, условия и механизмы успешной адаптации детей мигрантов, социальная работа и помощь.

ESTIMATION OF THE ETHNO-CULTURAL ADAPTATION OF CHILDREN FROM FAMILIES OF MIGRANTS BY SPECIALISTS OF SOCIAL ORGANIZATIONS

T. Suslova, N. Komarova, S. Gribkova

Moscow Region State University

24 Vera Voloshina ul., Mytyshi, Moscow reg. 141014, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the study which covers the social workers' assessment of the migration situation in Russia and the problems of children from migrant families that arise in the process of their ethno-cultural adaptation. The study was conducted using the method of a written survey – a survey of 142 social workers. Typical, from the point of view of social workers, problems of migrant children, the conditions and effectiveness of ethno-cultural adaptation of children from migrant families and the most frequently used activities in social organizations, aimed at helping the family and migrant children, were identified.

Keywords: ethno-cultural adaptation, migrants' families and children, conditions and mechanisms for successful adaptation of children from migrant families, social work and assistance.

В настоящее время практически этносодержащих отношений как но-
каждый человек включён в систему ситель культурных традиций, системы

связей своего этноса. Попадая в чужую страну, мигранты переживают чувство социальной фрустрации, при этом собственная этническая принадлежность начинает выступать «как аварийная группа поддержки, наиболее доступная форма групповой идентичности для больших масс людей» [9, с. 81]. В силу этого невысоко стремление мигрантов интегрироваться в общество другой страны, что нередко приводит к нарастанию межэтнического напряжения и конфликтов.

Наиболее «сложной» группой мигрантов являются подростки, многим из которых особенно на первых этапах адаптации сложно интегрироваться в образовательный и социальный контекст общественной жизни принимающей страны [3; 4; 6; 14; 17].

Трудности адаптации мигрантов, переживание социальной напряжённости, связанной с адаптацией, как отмечается в эмпирических исследованиях отечественных и зарубежных учёных, часто приводят к формированию негативных эмоциональных состояний и социального самочувствия у подростков, психологических защит и демонстративного поведения. Теоретически обоснована и эмпирически установлена связь трудностей адаптации детей из семей мигрантов и ряда социальных и психосоциальных факторов, препятствующих успешности этого процесса [2; 7; 8; 10; 11; 15; 16; 18]. Разработаны социально-психологические и образовательные программы, предложены формы работы по оказанию психологической помощи детям из семей мигрантов [2; 8; 10; 14; 17].

Однако теперь уже недостаточно опираться только на ресурсы образовательных организаций и психологи-

ческих центров, на которых ложится основная нагрузка в решении проблем, возникающих у детей из семей мигрантов в процессе этнокультурной адаптации, но и важно активно подключаться к данному процессу национально-культурным институтам национальных диаспор и социальным организациям, т. е. важны комплексная работа различных специалистов и внедрение в их деятельность междисциплинарного подхода.

Изменение в работе и внедрение комплексного подхода в решение проблем детей из семей мигрантов связаны также с тем, что число мигрантов в России будет постоянно увеличиваться, а значит, будет увеличиваться и нагрузка на специалистов образовательных и других организаций.

Увеличение числа мигрантов, в том числе приезжающих в Российскую Федерацию вместе с семьями, можно объяснить не только желанием улучшить свою жизнь и обезопасить жизни своих детей, но и изменениями в миграционной политике РФ. Так, 31.10.2018 Президентом Российской Федерации была подписана новая Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. (взамен Концепции на 2012–2025 гг.), согласно которой Россия будет открыта для всех, кто выберет её для проживания и работы. С этой целью упрощаются правила въезда, включая выдачу виз, а также процедура предоставления российского гражданства. Миграционная политика «должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Российскую Федерацию лиц, в том числе покинувших ее, которые способны включиться в систему позитивных социальных

связей и стать полноправным членом российского общества»¹.

В этой статье рассматриваются результаты исследования представлений социальных работников о миграционной политике, проблемах, возникающих у детей из семей мигрантов, условиях и механизмах, которые, по их мнению, будут способствовать успешности этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов.

Нельзя сказать, что социальная работа с мигрантами, в том числе с семьями и детьми, в отечественной социальной практике отсутствует. Имеются исследования, в которых описывается опыт социальной работы с мигрантами, представлены концептуальные и прикладные её аспекты [1; 5; 12; 13]. Однако практически отсутствуют исследования взглядов самих специалистов на состояние социальной работы с детьми мигрантов.

Методы и процедура исследования

Объектом исследования являлись представления социальных работников о проблемах, возникающих у детей из семей мигрантов, условия и механизмы оказания социально-психологической поддержки процесса этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов.

В исследовании решались следующие задачи:

1) выявить проблемы детей из семей мигрантов, какими их видят социальные работники;

2) выделить направления оказания помощи детям из семей мигрантов в учреждениях социальной защиты;

3) выделить условия и механизмы успешности этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов и её оценку специалистами социальной сферы.

В исследовании приняли участие социальные работники из 82 организаций (N = 120): г. Москвы, Московской области (63 организации), представители 19 социальных организаций из Пермского края, Ростова-на-Дону, Воронежской, и Брянской области (N = 22), всего 142 респондента (N = 142).

В качестве диагностического инструмента использовалась разработанная нами анкета, направленная на выявление мнения специалистов социальной сферы о процессе этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов в России и роли социальных и других организаций в нём.

Анкета состояла из трёх блоков, включающих в себя 19 вопросов:

1) оценка миграционной ситуации в России и проблем детей из семьи мигрантов, вызванные ею;

2) выявление направлений оказания помощи детям из семей мигрантов;

3) изучение условий и механизмов эффективности этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов с точки зрения специалистов социальной сферы.

Каждый вопрос содержал от 17 до 23 вариантов ответа, которые предлагалось оценить по 4 шкалам: «скорее согласен, чем не согласен», «согласен», «скорее не согласен, чем согласен», «не согласен». Или по 5 шкалам: «очень редко», «иногда», «никогда», «часто», «очень часто».

¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.».

Время проведения опросов: июль – сентябрь 2018 г.

Результаты и их интерпретация

Было выявлено, что большая часть социальных работников оценивает миграционную ситуацию в России как нормальную, не вызывающую больших проблем (52,1%), однако достаточно большое число респондентов расценивают её как кризисную (40,8%).

Миграционная ситуация как кризисная и катастрофическая в основном была оценена представителями социальных организаций Москвы и Московской области. Этому можно найти объяснения, так как именно этот регион, как и другие мегаполисы, чаще всего выбирают мигранты в качестве места для проживания со своими семьями и трудоустройства или только для заработка с целью обеспечения своих семей на родине. Большое скопление в этом регионе мигрантов и частые столкновения коренных жителей с ними вызывают у последних чувство тревоги, детерминирующей восприятие миграционной ситуации как кризисной, порой выходящей из-под контроля местных органов власти и внутренних дел.

При реализации ключевых положений Концепции государственной миграционной политики в части выстраивания мигрантами «системы позитивных социальных связей и становления полноправным членом российского общества» необходима целенаправленная работа различных государственных и негосударственных организаций по оказанию поддержки в этнокультурной адаптации мигрантам, в первую очередь детям.

Каким образом выстраивается работа с мигрантами социальными ор-

ганизациями, в чём их роль и какова их оценка проблем детей из семей мигрантов и условий для эффективной этнокультурной адаптации – ответы на эти вопросы дают результаты последующих вопросов анкеты.

Респондентам было предложено оценить способности нынешних местных органов власти успешно решать проблемы, связанные с миграцией.

Несмотря на то, что 54,9% специалистов социальных учреждений ответили положительно, остаётся достаточно большим процент респондентов, ответивших отрицательно (42,3%). Исходя из анализа ответов на последующие вопросы, раскрывающие проблемы семей и детей мигрантов, представители социальных учреждений обеспокоены системой управления миграционными процессами и решением проблем мигрантов, возникающих в ходе данного процесса.

Так, социальным работникам предлагалось выразить согласие или несогласие с 23 вариантами ответа, содержащими различные проблемы, которые вызывают у них большее беспокойство, связанное с миграционной ситуацией и политикой в стране в отношении детей мигрантов. Варианты ответов были выделены нами на основе анализа исследований отечественных и зарубежных учёных, а также результатов пилотажного исследования, проведённого нами в 2014 г. (табл. 1).

Вполне возможно, что, к примеру, профилактика межнациональных конфликтов и агрессивного поведения в отношении коренного населения (как и коренного населения к мигрантам) в современной России – вопрос «решённый», однако выделенные социальными работниками проблемы, которые они

отметили как важные, противоречат друг другу. Именно низкий уровень профилактики конфликтов и агрессивного поведения детей, рост числа неблагополучных семей, нежелание детей и семей

идти на контакт с различными специалистами являются причинами формирования неадаптивного этнокультурного поведения детей из семей мигрантов и наличия большого числа проблем.

Таблица 1. Распределение респондентов по степени согласия с проблемами, которые характеризуют современную миграционную ситуацию и политику в отношении семьи и детей мигрантов (в %)

Проблемы	Степень согласия с предложенными вариантами ответа	
	Согласен / скорее согласен, чем не согласен	Скорее не согласен, чем согласен / не согласен
Низкий уровень правовых знаний у семьи мигрантов	73,2	26,8
Отсутствие информации у мигрантов и членов их семей об организациях, способных оказать помощь в позитивной этнокультурной адаптации	69,0	31,0
Нежелание семей мигрантов контактировать с социальными организациями	63,3	36,7
Недостаточная социальная поддержка семей и детей-мигрантов в рамках деятельности социальных служб	52,1	47,9
Рост негативного отношения в образовательных, культурных и других организациях к детям мигрантов	50,7	49,3
Низкий уровень консолидации образовательных, социальных и национальных организаций и объединений по эффективной социально-психологической поддержке этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов	50,7	49,3
Личная безопасность детей из семей мигрантов	44,7	55,3
Нежелание семей мигрантов контактировать с национальными сообществами, диаспорами и т.д.	49,3	50,7
Низкий уровень вовлеченности различных национальных организаций и объединений (национальных диаспор, национально-культурных организаций (НКО), Домов и Центров национальности и т.п.) в процесс этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов	52,1	47,9

Проблемы	Степень согласия с предложенными вариантами ответа	
	Согласен / скорее согласен, чем не согласен	Скорее не согласен, чем согласен / не согласен
Рост числа неблагополучных семей мигрантов	59,2	40,8
Нежелание семей мигрантов контактировать с образовательными организациями		40,8
Низкий уровень профилактики межнациональных, этнических конфликтов среди детей из семей мигрантов в социальной службе	59,2	42,2
Низкий уровень профилактики межнациональных, этнических конфликтов среди детей из семей мигрантов в образовательной организации	60,1	39,9

Социальным работникам был задан вопрос: «С какими проблемами, с вашей точки зрения, сталкиваются дети из семей мигрантов в процессе

этнокультурной адаптации к условиям проживания в принимающей стране?» Эти проблемы представлены в таблице 2.

Таблица 2. Распределение частоты встречаемости проблем, с которыми сталкиваются дети мигрантов (в %)

Проблемы	Частота встречаемости проблем		
	Часто и очень часто	иногда	никогда
Отсутствие информации, необходимой для эффективной ориентации в новом окружении	84,4	11,3	4,2
Трудности адаптации к условиям обучения в образовательных организациях	80,3	15,5	4,2
Успеваемость в школе	80,3	15,5	4,2
Ощущение чувства беспомощности и бессилия справляться с трудными ситуациями, возникающими в процессе этнокультурной адаптации	64,7	19,7	15,5
Трудности в общении со сверстниками в образовательных организациях	63,4	28,1	8,5
Недостаточная социальная поддержка со стороны социальных служб	52,0	31,6	15,5
Наличие у детей-мигрантов недоверия в отношении новой страны, культуры	42,3	18,3	38,0
Трудности в усвоении русского языка, культуры и обычаев России	41,3	43,7	25,0

Проблемы	Частота встречаемости проблем		
	Часто и очень часто	иногда	никогда
Общение с местным населением в местах досуга и отдыха и других социальных и общественных местах	47,9	40,8	11,3
Недостаточная образовательная и воспитательная поддержка со стороны преподавателей в образовательной организации	26,7	66,3	7,1
Разрешение ситуации негативного отношения к себе в образовательных, культурных и других организациях	47,9	40,8	9,9
Понимание и принятие норм и правил принимающей страны	35,5	50,7	14,1
Ощущение ностальгии по родной культуре и стране	7,0	43,7	49,3
Недостаток внимания к детям со стороны родителей	9,9	33,8	56,3
Наличие у детей-мигрантов недоверия в отношении новой страны, культуры	32,3	19,4	38,0
Тревога по поводу своего будущего в новой стране	35,2	38,2	36,6
Получение правовой информации о правах и обязанностях	45,1	18,3	36,6

Другие проблемы, наличие которых предполагается социальными работниками (стилистика ответов респондентов сохранена):

- «разное вероисповедание»;
- «часто мероприятия для детей мигрантов проводят “для галочки”, а в корень проблемы редко вникают»;
- конфликты несовершеннолетних с родителями вследствие «маргинализации» поведения детей в мегаполисе и нежелания соблюдать национальные традиции. Случай из практики 2018 г., который описал один из участников исследования: «Обращение в полицию с последующим помещением в наш центр девочки-подростка из страны СНГ. Причина – оказавшись в мегаполисе после жестких национальных рамок, подросток сошлась с предста-

вителем местной субкультуры, стала поздно приходить домой, иногда и употреблять напитки. В многодетной семье с мусульманскими традициями это привело к самым негативным последствиям. Девочка начала убегать из дома, постоянно ссориться с родителями. В процессе работы с ней и с родителями были достигнуты положительные результаты, ребёнку указано на недопустимость асоциального и противоправного поведения. Она вернулась в семью и больше не помещалась в центр. В последствие родители отправили ее обратно на родину и поместили в медресе (религиозную школу), так как в России не смогли справиться с ситуацией».

Понимая всю важность социальной поддержки детей из семей мигрантов в

процессе этнокультурной адаптации, социальные работники отмечают недостаточное участие социальных организаций в решении проблем детей и семей мигрантов. Тем не менее опыт работы с такой категорией клиентов у них имеется, что отражено в ответах на следующие вопросы, предполагающие изучение частоты обращений в социальную службу семей и детей мигрантов и направленность проблем, которые им приходится решать.

Итоги анкетирования говорят о том, что чаще всего семьи мигрантов (родители) обращаются в социальные службы за помощью в вопросах адаптации детей по следующим проблемам:

1) социальные услуги – 42,2% респондентов отметили, что семьи мигрантов довольно часто обращаются к ним по различным социальным вопросам, решение которых не всегда есть возможность удовлетворить;

2) недостаточная образовательная и воспитательная поддержка в образовательной организации – 33,8% респондентов.

«Очень редко» («иногда») приходится решать вопросы, касающиеся:

- личной безопасности детей (как правило, это социальные запросы родителей) – 42,3%;

- разрешение ситуации негативно-го отношения к ребёнку в образовательных, культурных и других организациях – 35,1%;

- консультация по проблемам понимания и усвоения культуры, обычаев, традиций принимающего общества. Так ответили 42,2% респондентов, тогда как 57,8% не встречались с такими случаями;

- проблемы, связанные с ощущением у детей ностальгии по родной куль-

туре и стране. С такими обращениями сталкивалось 42,2% социальных работников, однако 50,7% респондентов не имели опыта работы с такой проблемой.

С такими проблемами, как наличие конфликта ценностей – 63,4%, одиночество и ностальгия по Родине – 63,4%, понимание и усвоение культуры, обычаев, традиций принимающего общества – 57,8%, трудности семей мигрантов с «коренными семьями» – 57,8%, взаимодействие детей из семей мигрантов с местным населением, в том числе и сверстниками – 56,3%, конфликты родителей и детей из семей мигрантов – 56,3%, в своей практике социальные работники не сталкивались.

Таким образом, социальным работникам приходится сталкиваться в основном с проблемами, связанными с предоставлением социальных услуг и с взаимодействием детей со сверстниками и взрослыми людьми. Безусловно, наличие таких проблем часто детерминирует формирование у родителей мигрантов состояния тревожности, связанной с личной безопасностью детей, реже с негативным отношением коренных жителей и зачастую непониманием тех требований, которые предъявляются принимающим сообществом.

Что касается обращения в социальные службы детей мигрантов, опрос социальных работников выявил, что 57,8% не сталкивались в своей работе с детьми мигрантов, 42,2% социальных работников в своей практике имели опыт решения проблем непосредственно при обращении детей мигрантов.

Мы можем предположить, что дети из семей мигрантов, да и сами семьи,

не информированы о возможностях и направлениях работы социальных организаций с мигрантами. Возможен и такой вывод: социальная работа с мигрантами, о которой так много пишут, не стала ещё самостоятельным направлением социальной практики, хотя, повторимся, отдельные положительные практики в стране всё-таки имеются и важно этот опыт широко транслировать.

Результаты ответов социальных работников показали, что чаще всего дети из семей мигрантов обращаются в социальные службы по таким вопросам, как:

1) трудности в общении со сверстниками в образовательных организациях. Только 36,6% участников опроса не имели опыта социальной практики в решении этого вопроса. Необходимо отметить, что «трудности в общении со сверстниками в образовательных организациях», по данным участников опроса, беспокоят и семьи мигрантов – так ответили 63,4% социальных работников;

2) трудности адаптации к условиям обучения в образовательных организациях – 54,9%;

3) личная безопасность, так ответила большая часть социальных работников: «часто» – 14,1%; «иногда» и «редко» – соответственно 50,7% и 14,1%. Только 21,1% не встречались в своей практике с оказанием помощи ребёнку в решении этого запроса;

4) способность разрешать каждодневные проблемы. С таким запросом редко и иногда обращались 32,3% детей и 2,8% часто;

5) тревога по поводу своего будущего в новой стране – 43,5% социальных работников отметили этот вариант ответа;

6) несмотря на то, что 59,1% респондентов не работали с запросом «конфликты в семье», эта проблема, по мнению социальных работников, является часто встречаемой в социальной практике. Так, 14,1% социальных работников часто сталкивались с таким запросом, а 26,7% – иногда.

Практически никогда социальные работники не встречались с такими запросами детей, как:

- разрешение ситуации негативно-го отношения к себе в культурных и других организациях – 54,9% участников опроса;

- ощущение ностальгии по родной культуре и стране – 78,8%;

- чувство агрессии и раздражительности – 73,2%;

- трудности, связанные с низкой самооценкой, неуверенностью и негативными установками – 71,8%;

- наличие недоверия в отношении новой страны, культуры – 69,0%;

- ощущение чувства беспомощности и бессилия справляться с трудными ситуациями, возникающими в процессе этнокультурной адаптации – 63,3%;

- понимание культуры и традиций принимающей страны – 61,9%;

- потребность в информации по вопросам позитивного построения отношения со сверстниками – 56,5%.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о наличии большого числа проблем у детей мигрантов, в решении которых не всегда в полной мере принимают участие социальные работники.

Тем не менее, по данным анкеты, наиболее часто в социальных организациях используются следующие направления оказания помощи детям из

семей мигрантов (направления представлены по частоте использования):

- 1) социокультурная помощь;
- 2) социальная помощь;
- 3) социально-психологическая помощь;
- 4) правовая помощь;
- 5) информационная помощь;
- 6) сопровождение семьи с ребёнком.

Ответы социальных работников показали, что в меньшей степени социальные службы работают по следующим направлениям оказания помощи детям мигрантов:

- 1) профилактическая помощь;
- 2) интеграция своей деятельности с образовательными организациями;
- 3) интеграция своей деятельности с национально-культурными организациями (центрами, ассоциациями и т. д.);
- 4) совместная работа с кризисными центрами;
- 5) создание волонёрского движения из числа мигрантов, успешно адаптированных на новом месте;
- 6) реабилитационная помощь;
- 7) совместная работа с организациями, находящимися в стране исхода (на Родине).

Конечно, мы понимаем, что работа по направлению «совместная работа российских социальных организаций с социальными службами, находящимися в стране исхода» сопровождается рядом трудностей, но тем не менее, на наш взгляд, важно на основе статистики выявлять государства, которые чаще всего являются «поставщиками мигрантов» с девиантным поведением, и выстраивать отношения на уровне социальных департаментов (министерств). Такая практика в России

имеется. Так, 21,1% социальных работников работают в этом направлении. Кроме этого, на наш взгляд, важна работа волонёрских групп, о которых социальные службы не заслужено забывают. В стране имеется позитивный опыт развития волонёрских движений в помощь мигрантам, к примеру, в Новосибирске и Новосибирской области, в число которых входят волонтеры – бывшие мигранты, успешно адаптированные к условиям принимающей страны.

Для нашего исследования важным являлось определение социальными работниками условий эффективной этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов.

На основании анализа результатов опроса были выделены следующие условия (по степени важности):

- 1) профессиональная подготовка кадров, работающих в сфере социальной работы с мигрантами, призванных оказывать социально-психологическую поддержку в этнокультурной адаптации детям из семей мигрантов;
- 2) наличие единой модели (системы) социально-психологической поддержки процесса этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов;
- 3) общественное согласие;
- 4) бесконфликтное взаимодействие детей мигрантов с коренным населением;
- 5) наличие в стране политики интеграции мигрантов, в том числе детей;
- 6) наличие чёткой законодательной базы, регламентирующей деятельность образовательных, социальных, национальных и других организаций и учреждений в вопросах поддержки этнокультурной адаптации детей мигрантов;

7) доступная и безопасная социальная среда (общение с другими людьми, взаимодействие со сверстниками, безопасность в культурных учреждениях на улице, транспорте и т. д.);

8) доступная и безопасная культурная среда (возможность изучать культуру коренного народа и поддерживать собственную);

9) социальная стабильность;

10) наличие дружественного для детей мигрантов информационного пространства;

11) наличие благоприятного образа мигрантов.

Такие условия, как наличие ресурсов для внедрения принципов инклюзивного образования в отношении детей из семей мигрантов, признание в стране межкультурной толерантности, являются важными, но в меньшей степени.

На основании анализа ответов социальных работников были выделены механизмы эффективной этнокультурной адаптации детей мигрантов, которые совместно с условиями являются актуальными для современного этапа миграционной ситуации.

Были выделены следующие механизмы (по степени важности):

1) организационное и экспертное сопровождение эффективной этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов силами национальной организации;

2) психолого-педагогическая поддержка детей из семей мигрантов в образовательной среде;

3) надлежащее финансирование учреждений, реализующих социальную политику в сфере миграции;

4) организационное и экспертное сопровождение эффективной этно-

культурной адаптации детей из семей мигрантов при консолидации ресурсов образовательной, социальной и диаспорной организаций;

5) профилактика межнациональной розни, этнических конфликтов среди детей и подростков в образовательной и социальной среде;

6) организационное и экспертное сопровождение эффективной этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов силами социальной организации;

7) проведение мониторинга процесса этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов;

8) тесное взаимодействие образовательных, социальных и национальных организаций в вопросах социально-психологической поддержки и сопровождения этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов;

9) организационное и экспертное сопровождение эффективной этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов силами образовательной организации;

10) расширение сети национально-культурных организаций (НКО) и др.;

11) формирование общих ценностей и единой гражданской идентичности;

12) уверенный контроль со стороны власти над миграционными процессами;

Менее важными, но тем не менее не подлежащими исключению из практики работы, являются такие механизмы, как:

1) совершенствование системы поддержки негосударственных формирований, задействованных в реализации миграционной политики;

2) распространение принципов инклюзивного образования в отношении детей из семей мигрантов;

3) работа инициативных групп, волонтерских бригад;

4) противодействие созданию мононациональных или «мигрантских» школ;

5) социально-психологическая поддержка детей из семей мигрантов, предоставляемая различными национальными организациями, объединениями и т. п.

Таким образом, результаты опроса социальных работников показывают важность использования потенциала социальных организаций и социальных работников в оказании помощи в этнокультурной адаптации детям из семей мигрантов.

Однако результаты исследования продемонстрировали отсутствие четкой оценки социальными работниками миграционной ситуации в России. Распределение ответов по критерию «нормальная / кризисная» не отражает дифференцированности в понимании социальными работниками всего происходящего в сфере миграции. Нет четкой дифференциации и проблем, которые характеризуют современную миграционную ситуацию и миграционную политику в России, что позволяет нам свидетельствовать о низкой вовлеченности социальных организаций в решение проблем, с которыми сталкиваются и семьи мигрантов, и дети, адаптируясь к новой культуре и тем требованиям, которые к ним предъявляет российское общество.

Тем не менее опыт работы социальных организаций, пусть и небольшой, позволил выделить наиболее часто встречаемые у детей из семей мигрантов, с точки зрения социальных работников, проблемы, с которыми последние обращаются в социальные службы: трудности общения

со сверстниками в образовательной и социально-культурных организациях; сложности адаптации к условиям обучения в образовательной организации; личная безопасность; тревога по поводу своего будущего в России и др.

Для решения названных проблем социальные организации чаще всего прибегают к использованию технологий социально-культурной, социальной и социально-психологической помощи. В меньшей степени используются правовая, информационная и, главное, технология сопровождения семьи и ребенка-мигранта. Говоря о последнем направлении, стоит отметить: несмотря на то, что сопровождение семьи требует большей нагрузки на социальные центры, игнорировать данную форму работы нельзя, так как она включает в себя комплексную и системную работу с семьями и детьми-мигрантами, что даёт больший положительный эффект в сравнении с разовыми, порой не отвечающими потребностям семей и детей мероприятиями.

Эффективность работы социальных организаций может быть достигнута, по справедливому мнению социальных работников, при условии профессиональной подготовки специалистов для работы с данной категорией населения, наличия единой модели социально-психологической поддержки в процессе этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов, общественного согласия, наличия четкой законодательной базы, включающей определение участия различных организаций в оказании помощи семьям и детям мигрантов и др.

Важными механизмами данной работы могут стать, с точки зрения соци-

альных работников: организационное и экспертное сопровождение эффективности адаптации детей из семей мигрантов; психолого-педагогическая поддержка; надлежащее финансирование социальных учреждений; консолидация ресурсов образовательной, социальной, диаспорной организаций и семьи и др.

Статья поступила в редакцию 03.12.2018 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00606/18 А.

ACKNOWLEDGMENTS

The article is based on the results of the study with the financial support of RFBR, research project No. 18-013-00606/18 A.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонюк Т. В. Работа с мигрантами как направление социальной работы // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 127–133.
2. Деминцева Е. Б., Зеленова Д. А., Космидис Е. А., Опарин Д. А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосквья // Демографическое обозрение. 2017. № 4. С. 80–109.
3. Кобзева Н. В. Психологические особенности внутриличностных конфликтов в различных ситуациях миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 86–101.
4. Кожанов И. В., Кожанова М. Б. Этнокультурная социализация учащихся: теоретические аспекты // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2012. № 2. С. 64–70.
5. Кондрашова Н. В. Социальные проблемы миграции и мигрантов в контексте социальной работы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 5. С. 84–90.
6. Макаров А. Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 94–101.
7. Нестерова А. А. Формы и стратегии аккультурации мигрантов на разных стадиях адаптации // Современные методы диагностики и технологии оказания психологической помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации: сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции / под ред. А. А. Нестеровой. М., 2014. С. 34–49.
8. Нестерова А. А., Суслова Т. Ф. Ментальные репрезентации как фактор протекания миграционного процесса // Социологические исследования. 2017. № 9 (400). С. 99–107.
9. Свирина О. Р. Этнические стереотипы как одна из причин социально-психологических рисков в межэтнических отношениях мигрантов и коренного населения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 80–89.
10. Солдатова Г. У., Макаrchук А. В., Пантелеев А. Б. Программа оценки адаптации детей и подростков из семей мигрантов к поликультурной образовательной среде //

Межкультурная компетентность педагога в поликультурной образовательном пространстве: научно-методические материалы. СПб., 2008. С. 352–372.

11. Сулова Т. Ф. Социальное самочувствие личности в условиях миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 86–101.
12. Ткачева Н. А. Социальная работа как фактор социальной безопасности // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 72–75.
13. Ушаков Е. В. Социальные службы в условиях культурного разнообразия: проблема профессиональных компетенций // Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 29–30 мая 2018 г.: в 2 ч. / под науч. ред. Л. В. Савинова. Ч. 2. Новосибирск, 2018. С. 175–177.
14. Хухлаев О. Е., Чибисова М. Ю., Кузнецов И. М. Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 95–104.
15. Шульга Т. И., Левицкая В. С. Переживание социальной напряженности различными группами людей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 42–58.
16. Gaitanides S. Selbstorganisation von Eltern mit Migrationshintergrund und ihr Beitrag zur Integration [Электронный ресурс]. URL: http://www.muenchen.info/soz/pub/pdf/177_erfolg_schuleberuf.pdf (дата обращения: 14.02.2018).
17. Roux S., Stuck A. Interkulturelle Erziehung und Sprachförderung im Kindergarten – Forschungsergebnisse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kindergartenpaedagogik.de/1873.html> (дата обращения: 14.02.2018).
18. Uslucan H.-H. Interkulturalität in Erziehung und Familie: Risiken und Chancen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liga-kind.de/fruehe/603> (дата обращения: 14.03.2018).

REFERENCES

1. Antonyuk T. V. [Work with migrants as the direction of social work]. In: *Sotsial'naya rabota v sovremenno m mire: vzaimodeistvie nauki, obrazovaniya i praktiki: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social work in the modern world: the interaction of science, education and practice: materials of the VIII International scientific-practical conference]. Moscow, 2016, pp. 127–133.
2. Demintseva E. B., Zelenova D. A., Kosmidis E. A., Oparin D. A. [The possibility of the adaptation of migrant children in schools of Moscow and Moscow region]. In: *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2017, no. 4, pp. 80–109.
3. Kobzeva N. V. [Psychological characteristics of intrapersonal conflict in various situations of migration]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 2, pp. 86–101.
4. Kozhanov I. V., Kozhanova M. B. [Ethno-cultural socialization of students: theoretical aspects]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of Chuvash State Pedagogical University. I. Y. Yakovlev], 2012, no. 2, pp. 64–70.
5. Kondrashova N. V. [Social problems of migration and migrants in the context of social work]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2015, no. 5, pp. 84–90.

6. Makarov A. Ya. [Features of ethno-cultural adaptation of children of migrants in Moscow schools]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2011, no. 8, pp. 94–101.
7. Nesterova A. A. [Forms and strategies of acculturation of migrants at different stages of adaptation]. In: Nesterova A. A., ed. *Sovremennye metody diagnostiki i tekhnologii okazaniya psikhologicheskoi pomoshchi lyudyam, okazavshimsya v krizisnoi situatsii: sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi konferentsii* [Modern diagnostic methods and technologies of psychological aid for people in crisis: Collection of scientific articles on materials of all-Russian conference]. Moscow, 2014, pp. 34–49.
8. Nesterova A. A., Suslova T. F. [Mental representation as a factor in the flow of the migration process]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 9 (400), pp. 99–107.
9. Svirina O. R. [Ethnic stereotypes as one of the causes of socio-psychological risks in inter-ethnic relations between migrants and the indigenous population]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Moscow Region State University. Series: Psychology], 2016, no. 4, pp. 80–89.
10. Soldatova G. U., Makarchuk A. V., Panteleev A. B. [Program to evaluate the adaptation of children and adolescents from migrant families to multicultural educational environment]. In: *Mezhkul'turnaya kompetentnost' pedagoga v polikul'turnoi obrazovatel'nom prostranstve* [Cross-cultural competence of a teacher in a multicultural educational space]. St. Petersburg, 2008, pp. 352–372.
11. Suslova T. F. [Social well-being of the individual in migration]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Moscow Region State University. Series: Psychology], 2016, no. 4, pp. 86–101.
12. Tkacheva N. A. [Social work as a factor of social security]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2008, no. 6 (74), pp. 72–75.
13. Ushakov E. V. [Social services in conditions of cultural diversity: the problem of professional competence]. In: Savinov L. V., ed. *Gosudarstvo, obshchestvo i tserkov': migratsiya i mezhkul'turnoe mnogoobrazie: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 29–30 maya 2018 g. Ch. 2* [State, society and Church: migration and cultural diversity: materials of scientific and practical conference with international participation, Novosibirsk, Russia, May 29–30th, 2018. Vol. 2]. Novosibirsk, 2018, pp. 175–177.
14. Khukhlaev O. E., Chibisova M. Yu., Kuznetsov I. M. [School as a translator of culture of the receiving society: integration of migrant children in the educational environment]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2014, no. 1, pp. 95–104.
15. Shulga T. I., Levitskaya V. S. [The experience of social tensions by different groups of people]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Moscow Region State University. Series: Psychology], 2014, no. 1, pp. 42–58.
16. Gaitanides S. Selbstorganisation von Eltern mit Migrationshintergrund und ihr Beitrag zur Integration. Available at: http://www.muenchen.info/soz/pub/pdf/177_erfolg_schuleberuf.pdf (accessed: 14.02.2018).
17. Roux S., Stuck A. Interkulturelle Erziehung und Sprachförderung im Kindergarten – Forschungsergebnisse. Available at: <https://www.kindergartenpaedagogik.de/1873.html> (accessed: 14.02.2018).
18. Uslucan H.-H. Interkulturalität in Erziehung und Familie: Risiken und Chancen. Available at: <https://www.liga-kind.de/fruehe/603> (accessed: 14.03.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суслова Татьяна Фёдоровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: sibir812@mail.ru

Комарова Наталия Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: nmkomarova@mail.ru

Грибкова София Владимировна – магистрантка кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: skyblade@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana F. Suslova – PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Work, Moscow Region State University;
e-mail: sibir812@mail.ru

Natalia M. Komarova – PhD in Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Social Work, Moscow Region State University;
e-mail: nmkomarova@mail.ru

Sofia Gribkova – Master student of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: skyblade@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суслова Т. Ф., Комарова Н. М., Грибкова С. В. Оценка этнокультурной адаптации детей из семей мигрантов специалистами социальных организаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 50–65.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-50-65

FOR CITATION

Suslova T. F., Komarova N. M., Gribkova S. V. Estimation of the ethno-cultural adaptation of children from families of migrants by specialists of social organizations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 50–65.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-50-65

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 376:316.37

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-66-76

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Усанова О. Н.

Московский институт психоанализа

121170, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросам социализации детей с нарушениями развития в условиях глобальных задач по оказанию им помощи, направленных на улучшение качества жизни, психологической экологии здоровья и достижение социального благополучия. Рассматриваются психологические условия и причины «принятия» детей социальной средой, предлагается технология формирования у них позитивной «психологической реальности» и «картины мира». В соответствии с этим формулируются цели коррекционно-развивающего обучения и предлагается разработанная социально-психологическая стратегия оказания помощи детям с нарушениями в развитии, обеспечивающая их социальное благополучие и качество жизни.

Ключевые слова: качество жизни, психологическое здоровье, социальное благополучие, психологическая реальность, картина мира, самосознание, образ проблемного ребёнка, социальная сеть, взаимодействие.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF STRATEGIES OF HELPING CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DISORDERS AT THE PRESENT STAGE

O. Usanova

Moscow Institute of psychoanalysis

34, build. 14 Kutuzovsky prospect, Moscow 121170, Russian Federation

Abstract. The article covers the issues of socialization of children with disorders in the framework of global tasks aimed to improve their quality of life, psychological ecology of health and

reaching social well-being. Psychological conditions and reasons for “accepting” the children into social environment are scrutinized. The technology of forming children’s “positive reality” and “picture of the world” is offered. In accordance with it goals of correction-developing education are formulated. The author’s strategy of social-psychological assistance to children with developmental disorders is offered. This strategy is aimed to ensure their psychological well-being and quality of life.

Keywords: quality of life, psychological health, social well-being, psychological reality, picture of the world, image of a problem child, social network, interaction.

Дети с нарушениями развития имеют трудности и проблемы, относящиеся к разным сторонам их жизнедеятельности. Это касается их психического развития, здоровья, общения и взаимодействия, обучения, выбора профессии, трудоустройства, создания семьи и карьеры. Жизнь такого ребёнка значительно отличается от жизни сверстников. Перечисленные проблемы обозначаются соответствующими векторами помощи ребёнку с нарушениями развития на разных этапах его жизни. Однако задачи помощи должны быть прямым образом связаны именно со всей жизнью ребёнка, а не с отдельными её сторонами [1; 6; 9; 14].

Глобальные задачи помощи детям и её конечный результат должны обеспечивать качественное улучшение их жизни, психологическую экологию здоровья и их социальное благополучие. Этот результат предполагается видеть во всестороннем развитии личностей детей, повышении качества их жизни и удовлетворенности ею. Таким образом, задачи социализации детей с нарушениями развития и укрепления их психологического здоровья выдвигаются на один из первых планов работы педагогов и психологов [11; 12; 13; 14].

Для успешной социализации такой категории детей необходимы некото-

рые условия, связанные с развитием представлений ребёнка об окружающем мире и адекватной оценкой взаимоотношений между людьми.

В норме любой человек способен адекватно воспринимать картину окружающего мира, предвидеть поступки окружающих и действовать в соответствии с тем, как он оценивает ситуацию и реакции других людей. Это обеспечивается социальным интеллектом. При отклонениях развития перечисленные процессы имеют свою специфику, связанную с *психологической реальностью проблемного ребёнка* [2; 5; 9].

Как известно, психологическую реальность жизни конкретного человека образуют представления о себе, собственное Я человека (Я-концепция), представления о других людях, о собственной жизни и рефлексия социальных связей. Психологическая реальность порождается и существует по присущим ей законам и по своему смыслу является жизненно определяющей. Она создаётся в процессе социального общения и порождается другим человеком. Именно присутствие Другого создаёт те условия, при которых для каждого человека возникает отличная от индивидуального существования реальность – психологическая [7; 8; 10; 15].

Психологическая реальность проблемного ребёнка изначально принципиально отлична тем, что «Я» ребёнка с проблемами и его дистанция с психологическим пространством другого человека формируются в зависимости от **принятия** ребёнка: начиная с родителей в раннем возрасте и заканчивая обществом в более позднем возрасте [4; 5; 7].

С момента рождения такого ребёнка его психологическая реальность зависит от атмосферы в семье, от уровня притязания родителей к будущему ребёнка, от энергозатрат ребёнка для достижения результатов, от его потенциальных возможностей и мн. др. [3; 7; 11; 14; 15].

Организация исследования

Цель работы – привлечение внимания специалистов, работающих с проблемными детьми, к акцентам профессионального мышления, влияющим на формирование представлений об образе проблемного ребёнка.

Предположением является суждение, что понимание психологических задач создания общественного мнения о позитивных возможностях детей с нарушениями развития оказывает благоприятное воздействие на решение глобальных задач помощи таким детям.

Эмпирическое исследование образа ребёнка с нарушениями развития в представлениях студентов, будущих специалистов-дефектологов, логопедов, психологов, проводилось с помощью авторской экспресс-методики «Напиши слова, характеризующие ребёнка с нарушениями». Студентам предлагалось в течение короткого промежутка времени (5 минут) записать

как можно больше слов, содержащих характеристики такого ребёнка (ответить на вопрос, какой он, ребёнок с нарушениями развития?). Наиболее типичными оказались характеристики: трудный, обидчивый, неуправляемый, агрессивный, беспокойный, неуспевающий, нелюбимый и др. В целом постоянно подтверждается, что представления о детях с проблемами на 98% содержат негативные характеристики. Положительные качества и возможности таких детей в их характеристиках либо отсутствуют полностью, либо указываются в последнюю очередь.

Важно и то, что в обществе существуют специфические социальные стереотипы восприятия детей с отклонениями развития.

Негативные представления о проблемном ребёнке усиливаются прогнозированием социально неприемлемых или нежелательных форм поведения этих детей. По мнению окружающих взрослых (прежде всего – родителей нормально развивающихся детей из классов интегрированного обучения), такие дети несут опыт неблагоприятного отношения со сверстниками. Подобное восприятие проблемных детей характерно и для многих учителей [9].

Эти эмоционально-когнитивные реакции взрослых связаны со сформированным у них образом проблемного ребёнка. В результате образ ребёнка с проблемами испытывает на себе искажающее влияние, с одной стороны, социальных установок, а с другой – эффектов межличностного восприятия (например, гала-эффекта, или отношения снисходительности). Таким образом, социальный стереотип вос-

приятия ребёнка с нарушениями развития создаёт условия неприятия его окружающими [11; 14; 15].

Психологическая реальность ребёнка с проблемами опосредованно (через родителей и малые социальные группы) структурируется обществом, закрепляясь как обобщённое коллективное мнение и формируя способы реагирования общества в стихийной или направленной форме.

Стихийное реагирование фиксируется в отношении отдельных лиц общества или отдельных его групп к «инакости». Это выглядит как индивидуальное или коллективное суммарное эмоционально-когнитивное отношение большинства к меньшинству. Выражается такое отношение в отдельных действиях отдельных лиц или групп, и это не связано с какими-то организационными мерами.

Социально-психологическая стратегия оказания помощи детям с нарушениями развития

С этой целью для работы будущих специалистов-дефектологов, логопедов, психологов с детьми с нарушениями разработана социально-психологическая стратегия помощи. Суть данной стратегии заключается в том, что специалистами для проблемного ребёнка организуется особая система разрешений и запретов, влияющая на степень активности и свободы поведения (в контактах, действиях). Существенными составляющими, влияющими на характер психологической реальности проблемного ребёнка, является специфическое изменение сфер его общения и взаимодействия – частичное их сужение и качественное изменение, – с одной стороны, за

счёт расширения преимущественно взрослого круга лиц, помогающих ему, а с другой – за счёт ограничения свободного выбора в среде сверстников. С точки зрения развития самосознания и построения Я-концепции можно говорить о том, что дистанция «Я – Другой» при отклонениях развития может сокращаться до минимума, приводя к зависимости от другого человека, инфантильной доверчивости, внушаемости, инертности в поведении. Иными словами, социальная среда ребёнка с проблемами принципиально отличается от социальной среды его нормально развивающегося сверстника.

Применение стратегии позволяет организовать направленное реагирование, которое проявляется в отношении к атипичным людям со стороны различных структур государства и охватывает также различные области науки, где изучаются лица с атипичей развития. Исходя из этого, создаются структуры помощи таким детям и проводятся научные исследования, ориентированные на задачи и содержание этой помощи.

Опосредованно психологическая реальность ребёнка оказывается зависимой от особенностей восприятия его отдельными людьми и обществом в целом, что, в свою очередь, зависит от общих закономерностей социальной перцепции.

Неизменным результатом этих процессов становится категоризация, т. е. отнесение такого ребёнка к некоторому классу подобных и уже ранее известных объектов, к категории «этот человек такой-то или такой, как...». Категоризация в этом случае выступает как инструмент, посредством

которого человек в восприятии систематизирует своё окружение и на основании этого строит своё взаимодействие. Таким образом, как бы прописывается связь между восприятием – мышлением – действием (Этот человек имеет много недостатков – с ним не нужно общаться – нужно быть от него в стороне). В звене «восприятие – мышление» категоризация связывает то, как мы воспринимаем окружающий мир, и то, как мы думаем о нём. Следующая часть связки – как мы думаем о мире и как действуем в нём. Это означает, что причисление ребёнка с проблемами к определённой категории в стратегическом плане определяет отношение отдельных людей, групп, общества к данной категории и влечёт за собой целый ряд логически вытекающих действий, в том числе – организационных. В восприятии ребёнка эта проекция на уровне сначала бессознательного, а затем и сознания создаёт у него ощущение недоброжелательности окружающих.

Интерпретация полученных результатов

То, что на ребёнка формируется взгляд как на проблемного, означает, что признаки, обнаруживающие его сходство с другими детьми, становятся менее важными для восприятия и менее информативными для стратегии действий, чем остальные (пол, возраст, дифференциальные признаки физического и психического здоровья, отдельные способности и т. д.). Таким образом, наиболее информативными становятся признаки, которые дифференцируют альтернативные категории (в нашем контексте – норма развития и развитие с проблемами), и в этом клю-

че строятся индивидуально-личные и общественные отношения. Иными словами, воспринимая ребёнка только как проблемного, мы закономерно делаем вывод о его сниженных возможностях, не фиксируясь на реальных достаточных и потенциальных позитивных тенденциях его развития, а затем соответственно действуем.

Это отражается и на анализе диагностических процедур, и на формировании заключений по обследованию ребёнка разными специалистами, в которых положительные и потенциальные возможности ребёнка фиксируются редко. Это отражается и на программах помощи таким детям, в которых практически не учитываются или минимально учитываются их потенциальные возможности и творческие способности. Ведь опираясь именно на них, можно значительно быстрее достигать эффективных результатов и качества помощи ребёнку, так как обращение к положительным возможностям ребёнка влияет на эмоциональный фон работы с ним и тем самым способствует повышению её результативности, формированию самосознания и в конечном итоге – достижению социального благополучия.

Хороший пример таких стратегий сформировался в западных школах. Там в качестве основного используется исходный принцип доверия к возможностям ребёнка: **«Что вы думаете обо мне, как вы смотрите на меня, что вы делаете для меня, как вы слушаете меня, таким я и буду»**. Наиболее значимой составляющей этого принципа является учёт положительных актуальных и потенциальных возможностей ребёнка.

Успешность социализации ребёнка связана с формирующейся у него

картиной мира. Построение картины мира идёт в процессе накопления и осмысления социальной информации. Это некий итог осмысления ребёнком окружающего мира, своей позиции в нём и отношения к нему других людей. Картина мира в значительной степени зависит от того, какие эмоциональные знаки ребёнок приписывает себе и другим: **Я** плохой, слабый, неуспешный или хороший, умеющий постоять за себя, делающий успехи. **Взрослые** – любящие, доброжелательные, доверяющие или незамечающие, ругающие, заставляющие и др. Содержание картины мира определяет самосознание ребёнка, побуждает (или не побуждает) его к общению, позитивному развитию. Содержание образа мира, картины мира ребёнка имеет также диагностическое значение и позволяет более точно зафиксировать его психологическую реальность.

Психологическая реальность субъекта зависит и от того, в какие социальные группы он включён, как складываются или организованы его общение и взаимодействие.

Система социальных связей человека, или его социальная сеть является одним из важнейших факторов, определяющих качество его социального функционирования. Социальные сети в социально-психологической литературе описаны как вся совокупность человеческих отношений, оказывающих *длительное* воздействие на жизнь индивида. Под социальной сетью понимаются те связи, которые устанавливаются с часто видимыми лицами – теми, кто наиболее близок ребёнку, от кого он получает различного вида поддержку (психологическую, физическую, информационную, экономи-

ческую и др.). Социальные сети – это конфигурации значимых других. Они мобилизуют ресурсы человека, придают ему силы для преодоления разного вида затруднений, оказывают воздействие на эмоциональный статус. В социальной сети существуют определённые **кластеры связи**:

- 1) личностная зона – люди, с которыми живут и тесно связаны;
- 2) интимная зона – люди, которые очень важны и с которыми часто взаимодействуют;
- 3) эффективная зона – люди, с которыми взаимодействуют, но которые менее важны;
- 4) номинальная зона – знакомые;
- 5) расширенная зона – люди, известные через значимых Других.

Для ребёнка социальная сеть состоит из детей и взрослых, с которыми он наиболее тесно общается, и в случае нарушений развития значительно отличается от обычной. Микросистема, включающая всех, с кем ребёнок вступает в отношения, для проблемного ребёнка имеет специфику (рис. 1). Как и для нормально развивающегося ребёнка, она включает семью, группу сверстников, детские учреждения, организации здравоохранения. Однако характер микросистемы и особенности её влияния на проблемного ребёнка достаточно специфичны.

Семьи детей с проблемами чаще всего неполные, среди родителей у них значительно чаще обычного встречаются страдающие алкоголизмом, наркоманией, лица с асоциальным поведением.

Другим немаловажным фактором сужения социальной микросистемы ребёнка с проблемами является ограничение круга друзей. Таким образом сужается круг общения. Эти ограниче-

ния коррелируют со степенью замкнутости семьи и со степенью выраженности отклонений у ребёнка.

Сужение социальных контактов родителей и их стремление скрыть проблемы ребёнка от окружающих создаёт почву для снижения концентрации так называемых фоновых контактов, при которых проблемные дети теряют как взрослых – «закрытую» для них микро-сферу, так и включённых туда детей.

Дети с проблемами реже, чем обычные дети, посещают кружки и общественные организации. Это тоже ослабляет их контактную сеть.

Наряду с ограничением круга друзей у детей с отклонениями развития расширяются контакты, нестандартные для обычной жизни ребёнка. Частыми фигурами в общении для них становятся специалисты, оказывающие им помощь. Это общение и взаимодействие строится по принципу профессионального влияния специалистов, что создаёт специфический контекст в общей картине социальных взаимодействий такого ребёнка. Это формирует у детей чувство зависимости, несамостоятельности, а иногда и неприятия.

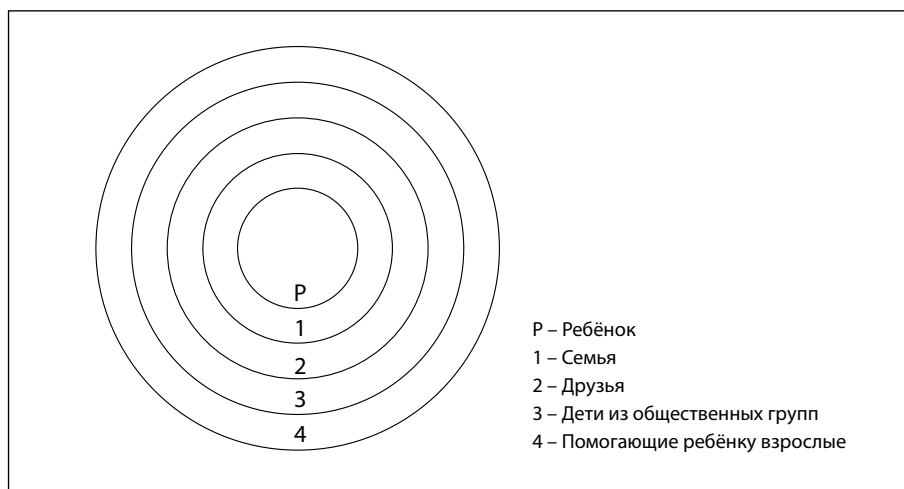

Рис. 1. Система социального общения и взаимодействия детей с отклонениями в развитии (психологическая реальность проблемного ребёнка)

Если обозначить количество лиц, с которыми общаются дети с нормальным и нарушенным развитием, в этих кругах (кластерах) общения разница будет значительной.

Важное значение имеют качественные характеристики взаимоотношений в сети ребёнка. Носят ли они характер поддержки или деструкции, теплоту, дружелюбность, интимность, конфиденциальность, терпи-

мость, одобрительность или же их противоположность или смешение.

Доказано, что у людей, поддерживающих близкие доверительные отношения, независимо от реально происходящих в их жизни событий психологический комфорт значительно выше, чем при снижении доверительности или ограничения круга социальных отношений. В ряде работ также подтверждён факт взаимосвязи между неблагоприятным

социальным статусом и более высоким уровнем дискомфорта.

Однако объём и качество социальной сети ребёнка с проблемами всегда будут зависеть от общественных установок и толерантности общества к таким детям.

История свидетельствует, что общество на различных этапах своего становления обращало внимание на людей с нарушениями развития, но при этом существенно дистанцировалось от них, авторитарно влияя на их самоопределение и жизненный путь в целом. Реализация общечеловеческой потребности принадлежать какой-то общности (семье, компании единомышленников, друзей и т. д.) не позволяла здоровым членам общества включать в свой круг людей с атипией (нарушениями) развития. Такое включение предполагало психологическое отождествление (хотя бы частичное) себя с атипичным человеком (скорее, с его прототипом) и определённое признание этой группы, отличающейся от общепринятой, своей, но та же потребность и её субъективное переживание вызывали сочувствие к тем, у кого нет того, что есть у большинства. И именно это психологическое противоречие становилось руководящим в отношениях с «инакими». Психологические составляющие этой ситуации выражались на разных этапах развития общества в моральном выборе: «заметить – не заметить», «посочувствовать – пройти мимо», «отделить – включить», «помочь – сделать вместо – сделать вместе».

Заключение

Позиция общества по отношению к ребёнку и ожидания от ребёнка формируют характер ожиданий общества

и его членов, в том числе родителей, учителей, других специалистов, применительно к нему. Последнее прямым образом влияет на социальный заказ по отношению к этим детям: чему учить и для чего, как воспитывать и почему, как готовить к самостоятельной жизни, как оценивать результаты достижений ребёнка. Для решения подобных задач общество должно располагать информацией о проблемном ребёнке: кто он такой, какие у него возможности, какие у него трудности, что можно от него ожидать.

Выводы

Таким образом, современное коррекционно-развивающее обучение проблемных детей должно сосредоточиться на личности ребёнка и его позитивных возможностях. Многочисленные исследования когнитивной и мотивационно-личностной сферы детей с атипией развития неопровержимо доказывают, что результирующим направлением помощи таким детям должна быть помощь в социализации, в более узком смысле – в социальной адаптации.

Когнитивное развитие при атипии должно носить строго функциональный характер, быть развёрнуто по оси социализации с учётом индивидуальных особенностей. Это создаёт условия улучшения качества их жизни и социального благополучия. Важно не просто интегрировать детей с проблемами в обычные образовательные учреждения, но стремиться расширить социальные связи таких детей путём включения их в различные сообщества, кружки, секции и т. д.

Необходимая цель обучения таких детей – сделать их самостоятельными, независимыми, сформировать у них

адекватный образ действительности, обучить, как влиять на ситуацию взаимодействия и решать жизненные проблемы. С этой целью специалистам, работающим с детьми, имеющими нарушения развития, необходимо применять социально-психологическую

стратегию помощи. Применение данной стратегии позволит не только изменить отношение к ребёнку данной группы, но и повысить качество их жизни и удовлетворённости ею.

Статья поступила в редакцию 10.01.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатов Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья: психологические основы. М., 2003. 368 с.
2. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. 363 с.
3. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М., 2009. 300 с.
4. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 2011. 352 с.
5. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. М., 1995. 525 с.
6. Грудинина О. А., Шульга Т. И. Взаимосвязи семейного благополучия и уровня жизненной удовлетворенности матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 38–50.
7. Карабанова О. А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2/20. С. 15–26.
8. Карабанова О. А., Скрипкина Т. П. Конструирование социальной реальности, обеспечивающей безопасность и психологический комфорт, как педагогическая проблема // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. Т. 5. № 73. С. 8–14.
9. Коробейников И. А. Нарушения развития и социальная адаптация. М., 2002. 191 с.
10. Нестерова А. А., Хитрюк В. В. Стигматизация и предрассудки в отношении родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 50–61.
11. Преодоление отчуждения с помощью инклюзивных подходов в образовании. Задача и концепция ее решения: концептуальный доклад ЮНЕСКО. М., 2003. 32 с.
12. Раттер М. Помощь трудным детям. М., 1999. 430 с.
13. Усанова О. Н. Проблемы психологического здоровья ребенка в специальной психологии // Социогенетический и персонегенетический потенциал личности как приоритет образовательной деятельности. Витебск, 2008. С. 132–135.
14. Усанова О. Н. Специальная психология. М., 2006. 395 с.
15. Шульга Т. И., Антипина М. А. Эмоциональная среда замещающей семьи, принявшей на воспитание подростков, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 5. С. 51–66. DOI:10.17759/pse.2018230506

REFERENCES

1. Akatov L. I. *Sotsial'naya rehabilitatsiya detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: psikhologicheskie osnovy* [Social rehabilitation of children with disabilities: psychological foundations]. Moscow, 2003. 368 p.
2. Andreeva G. M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow, 2000. 363 p.

3. Belinskaya E. P., Tikhomandritskaya O. A. *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. Moscow, 2009. 300 p.
4. Bozhovich L. I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. Moscow, 2011. 352 p.
5. Vygotsky L. S. *Problemy defektologii* [Problems of defectology]. Moscow, 1995. 525 p.
6. Grudinina O. A., Shulga T. I. [The relationship of family well-being and level of life satisfaction of mothers raising children with disabilities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 2, pp. 38–50.
7. Karabanova O. A. [Parent-child relationships and the practice of education in the family: a cross-cultural aspect]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2017, vol. 6, no. 2/20, pp. 15–26.
8. Karabanova O. A., Skripkina T. P. [The construction of social reality, ensuring safety and psychological comfort, as a pedagogical problem]. In: *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2014, vol. 5, no. 73, pp. 8–14.
9. Korobeinikov I. A. *Narusheniya razvitiya i sotsial'naya adaptatsiya* [Developmental disorders and social adaptation]. Moscow, 2002. 191 p.
10. Nesterova A. A., Khitryuk V. V. [Stigma and prejudice against parents raising a child with autism spectrum disorder]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 4, pp. 50–61.
11. *Preodolenie otchuzhdeniya s pomoshch'yu inklyuzivnykh podkhodov v obrazovanii. Zadacha i kontseptsiya ee resheniya: kontseptual'nyi doklad YUNESKO* [Overcoming exclusion through inclusive approaches in education. The task and the concept of its solving: a conceptual report of the UNESCO]. Moscow, 2003. 32 p.
12. Ratter M. *Pomoshch' trudnym detyam* [Assistance to problem children]. Moscow, 1999. 430 p.
13. Usanova O. N. [Problems of psychological health of the child in special psychology]. In: *Sotsiogeneticheskii i personogeneticheskii potentsial lichnosti kak prioritet obrazovatel'noi deyatel'nosti* [Socio-genetical and personal-genetic potential of the individual as a priority of educational activities]. Vitebsk, 2008, pp. 132–135.
14. Usanova O. N. *Spetsial'naya psikhologiya* [Special psychology]. Moscow, 2006. 395 p.
15. Shulga T. I., Antipina M. A. [Emotional environment of the foster family who foster teenagers left without parental care]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 51–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усанова Ольга Николаевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры специального (дефектологического) образования Московского института психоанализа;

e-mail: olgausanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Usanova – Doctor of psychology, Professor, Professor at the Department of special (defectological) education, Moscow Institute of Psychoanalysis;

e-mail: olgausanova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Усанова О. Н. Социально-психологические аспекты стратегии помощи детям с нарушениями развития на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 66–76.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-66-76

FOR CITATION

Usanova O. N. Socio-psychological aspects of strategies of helping children with developmental disorders at the present stage. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 66–76.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-66-76

РАЗДЕЛ IV.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

УДК 159.9: 001.5

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-77-86

КОНКУРЕНТНОСТЬ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

Евенко С. Л.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация. В статье решается исследовательская задача возможности соединения базового экономического фактора «конкурентность условий профессиональной деятельности» и социально-психологической парадигмы коллективизма. Определены психологические признаки конкурентности условий профессиональной деятельности и коллектива, в частности ценностное ориентационное единство, готовность работать в команде, сочетание личностных и групповых ценностей. Описана диагностическая процедура психологического исследования уровня конкурентности условий профессиональной деятельности и психологических компонентов, определяющих степень сформированности коллектива. Выявлен оптимальный уровень конкурентности условий профессиональной деятельности, позволяющий группе сохранить черты коллектива. Намечены возможности гуманистического развития рынка труда.

Ключевые слова: амбивалентность, профессиональная деятельность, конкурентность, коллектив, уровень конкурентности условий деятельности.

THE COMPETITIVE CONDITIONS OF PROFESSIONAL ACTIVITY AND TEAMWORK

S. Evenko

*Moscow Region State University
24 Vera Voloshina ul., Mytyschi, Moscow reg. 141014, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the research problem of the possibility of combining the basic economic factor of «competitive conditions of professional activity» and the socio-

psychological idea of collectivism. Psychological signs of professional activity conditions competitiveness and a collective, in particular, valuable orientation unity, readiness to work in a team, a combination of personal and group values are defined. A diagnostic procedure for the psychological study of level of the professional activity conditions competitiveness and psychological components that determine the degree of formation of the team is described. The optimum level of competitiveness of the conditions of professional activity, allowing the group to keep the traits of the team, is also mentioned. The possibilities of humanistic development of the labor market are outlined.

Keywords: ambivalence, professional activity, competitiveness, team, level of professional activity conditions competitiveness.

Постановка проблемы

В повседневной жизни у человека достаточно часто возникают ситуации, которые вызывают у него противоположные чувства, мотивы, суждения и пр. Такие противоречивые состояния принято называть амбивалентными.

Введённое в научный оборот Э. Блейлером понятие «амбивалентность» означает, что в психических свойствах и процессах существуют противоположности, которые, несмотря на свою антагонистичность и ситуативное проявление, формируют общую линию поведения человека [3].

Ситуации амбивалентности достаточно часто возникают и в социально-экономической сфере жизнедеятельности человека. Современное развитие России, её активная экономическая интеграция в мировое общество, востребовало обращение к переосмыслению старых научных идей развития страны и актуализировало поиск новых. Растущая конкуренция на внутреннем рынке заставляет руководителей поощрять конкурентные отношения между сотрудниками, что, в свою очередь, ведёт к формированию у них индивидуализма, поскольку конкуренция не предполагает дружеских и коллективистских отношений.

Являясь базой экономических концепций многих экономически развитых стран, принцип конкурентности условий профессиональной деятельности достаточно гармонично совмещается с основной их доминирующей научной парадигмой и социальной идеологией индивидуализма. Научные взгляды о пользе индивидуализма были заложены западными учёными-обществоведами (Х. Кинкейд, К. Р. Поппер, Ф. А. Хайек и др.) и в дальнейшем получили своё развитие в исследованиях психологов [14; 19; 21].

Зарубежные психологи в парадигме социальной обособленности выделяют определённые положительные черты: а) отсутствие конформизма и стремления к приспособленчеству (Д. Майерс и др.) [12], б) критический взгляд к господствующей точке зрения и наличие собственного мнения (Э. Кирхлер, Г. Лебон и др.) [8; 11], в) хорошо развитое критическое мышление, стремление к современным трендам (Л. Старки, Д. Халперн) [22; 20]. Все эти качества, по мнению учёных, обеспечивают приоритет в социально-экономическом развитии общества.

Несколько иные взгляды на социальное устройство жизни складывались в России. На протяжении многих

лет формировались прочные правила поведения не только в социальной и духовной сферах, но и в экономической (артель, товарищества, кумпанство, колхоз и пр.). Такие формы коллективной деятельности позволяли аккумулировать усилия в работе, легко переносить тяжёлые реформы и сопротивляться негативным обстоятельствам труда. В силу этих обстоятельств в отечественной психологии сложились собственные научные традиции исследования коллектива.

Методологической основой анализа системообразующих признаков коллектива выступили исследования отечественных психологов: а) наличие коллективных наследственных рефлексов (В. М. Бехтерев) [2]; б) общность ценностей и интересов, совместный труд и развитие (А. В. Петровский, Л. И. Уманский и др.) [13; 17]; в) влечение к сообществу и удовлетворённость трудом (Г. М. Андреева, С. Л. Рубинштейн и др.) [1; 16].

Несмотря на значительное расхождение методологических оснований зарубежных и отечественных психологов в изучении условий профессиональной деятельности (индивидуализм – коллективизм), можно отметить, что данные подходы имеют общий постулат – организация не только определяет социальный уклад жизнедеятельности своих сотрудников, но и в определённой мере зависит от особенностей каждого её члена.

Важной характеристикой субъекта труда выступает его стремление достичь успеха, желание выполнить профессиональные обязанности лучше, более качественно, чем это делает сослуживец. Такая активность может осуществляться в дихотомиче-

ских формах поведения – конкурентность / сотрудничество. Совершенно очевидным становится тот факт, что конкурентность может эффективно реализовываться в рамках идеологической парадигмы индивидуализма, а сотрудничество – в коллективистской теории.

Определённую динамику имеют исследования проблемы конкурентности условий профессиональной деятельности. Первые научные подходы в анализе данной проблемы были связаны с изучением организационно-технологических управленческих возможностей: а) актуализация экономических механизмов побуждения к деятельности, технологизация производственных процессов (А. Файоль и др.) [18]; б) формальное закрепление норм выполнения производственных задач (П. Друкер и др.) [6].

В современных исследованиях учёные акцентируют своё внимание на изучении конкурентности профессиональной среды через призму составительных паттернов профессиональных действий, которые повышают продуктивность и результативность труда [5; 7; 15].

Отечественными учёными заложена теоретико-методологическая база исследования конкурентности условий профессиональной деятельности через призму конкурентоспособности в парадигме психологии развития (А. Г. Гаврилова, О. А. Ключева, А. И. Коваленко и др.). В теоретических положениях данных исследований постулируется идея о том, что системообразующими свойствами личности, обеспечивающими конкурентность профессиональной среды, выступают высокий уровень профес-

сионализма, творческая направленность сотрудника [4; 9; 10].

Современное развитие социально-экономических условий жизнедеятельности актуализирует проявление конкурентных стилей поведения при реализации профессиональных задач. В данном случае наблюдается противоречие между востребованностью демонстрации сотрудниками конкурентных паттернов поведения в условиях профессиональной деятельности и исторически сложившейся в национальном самосознании россиян потребностью трудиться в коллективе.

Научная задача

Обращение многих учёных к анализу и определению возможности при конкурентных условиях профессиональной деятельности сохранить товарищеские взаимоотношения между субъектами труда свидетельствует о наличии значимых противоречий в этой области психологической науки и практики, которые требуют своего разрешения. Выявленное противоречие между потребностью развития конкурентных условий профессиональной деятельности и существующей национальной парадигмой коллективизма актуализирует необходимость определения порога конкурентности условий труда, который бы не нарушил коллективной формы социального взаимодействия людей в процессе работы.

Методический замысел исследования

Цель исследования заключалась в установлении уровня конкурентности условий профессиональной деятельности, который бы позволил сохранить коллективную форму профес-

сиональных усилий при достижении целей трудовой активности.

Методики исследования. Для выявления уровня сформированности коллектива были использованы методика «Ценностно-ориентировочного единства» (ЦОЕ) и экспертный опрос по определению важности выполняемой деятельности и степени вовлечённости сотрудников в её осуществление. Конкурентность условий диагностировалась при помощи экспертного опросника, который состоял из двух блоков вопросов: а) технократического (формализованная организация конкурентных трудовых отношений); б) психологического (непосредственное стремление человека к соперничеству). Опросник включает в себя 20 дихотомических шкал, в которых содержались полярные утверждения, выраженные в пятибалльной шкале. Результаты тестирования условий сформированности коллективных отношений психологическими методиками и опросниками были переведены в десятибалльную систему оценок – стены.

Выборочная совокупность. Диагностические процедуры осуществлялись в трудовых коллективах ООО «Бёрнер Ист» и «ИТРЕНИНГ. РФ» г. Москвы. Всего в исследовании приняли участие 132 человека, которые были включены в структуры 12 производственных коллективов. Средний возраст испытуемых – 34,2 года. Средний стаж работы в коллективе – 5,5 лет.

Гипотеза исследования – коллективную форму социального взаимодействия людей в процессе работы возможно сохранить при среднем уровне конкурентности условий профессиональной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Диагностика трудовых коллективов помогла выявить уровни выраженности конкурентности каждого из них. Полученные результаты диагностики позволили определить количественные значения рабочей части шкалы, которая варьировалась в диапазоне от 1,9 до 4,6 баллов. Разбиение рабочей части шкалы на три уровня позволило определить числовые значения каждого из них:

а) неконкурентные условия – от 1,9 до 2,7 баллов; б) конкурентные условия – от 2,8 до 3,6 баллов; в) гиперконкурентные условия – от 3,7 до 4,6 баллов.

Процентное соотношение выраженности уровней конкурентности условий профессиональной деятельности свидетельствует о том, что для большей части трудовых коллективов характерен средний уровень конкурентных отношений между сотрудниками – 55% (см. рис. 1).

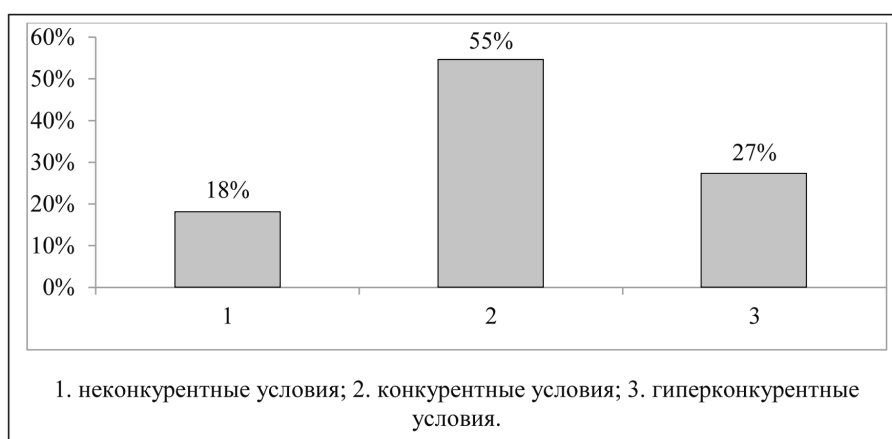

Рис. 1. Распределение уровней конкурентности условий профессиональной деятельности (в %)

На данном уровне конкурентности условий профессиональной деятельности сотрудники умеют совмещать в процессе работы личные и организационные цели, демонстрируют умения выполнять задания самостоятельно и трудиться в группе, проявляют умение отвечать не только за собственные действия, но и за работу коллектива.

Второй группой по численности являются гиперконкурентные условия профессиональной деятельности – 27%. Для сотрудников таких профессиональных групп характерно: преобладание личных целей над организационными,

стремление выполнять работу самостоятельно, а не в команде, дистанцирование от коллективной ответственности и готовность отвечать за последствия собственных действий.

Неконкурентная среда характеризуется преобладанием организационных ценностей над личностными, сотрудники предпочитают выполнять профессиональные обязанности в группе, готовы нести коллективную ответственность. Число таких коллективов составляет 18%.

Несмотря на то, что контуры эмпирического распределения повторяют

закон нормального, совершенно очевидно его смещение в сторону максимальных значений конкурентности (гиперконкурентные). Проверка значений смещения показала, что асимметрия обращена в область высоких числовых показателей конкурентности (правосторонняя асимметрия $As = -1,32$) и не превышает трёхкратной ошибки (по Н. А. Плохинскому), т. е. картина распределения уровней конкурентности условий труда имеет высокую степень объективности и отражает реальную ситуацию, связанную с этим вопросом.

Для определения порога оптимального уровня конкурентности условий труда, который бы способствовал кол-

лективной форме социального взаимодействия людей в процессе работы, был применён кросстабуляционный анализ. Табуляции подверглись уровни конкурентности условий профессиональной деятельности и показатели, определяющие степень сформированности коллектива.

Сопряжение числовых значений позволило определить, что максимальное значение, отражающее коллективную форму социального взаимодействия людей в процессе труда, соответствует конкурентным условиям профессиональной деятельности – $\bar{X}_k / y = 7,2$ (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение уровней конкурентности условий профессиональной деятельности и степени сформированности коллектива (в стенах)

№	Уровень конкурентности условий профессиональной деятельности	Степень сформированности коллектива
1	неконкурентные условия	5,2
2	конкурентные условия	7,2
3	гиперконкурентные условия	3,9

Полученные результаты степени сформированности коллектива позволяют сделать вывод, что минимальные его значения соответствуют неконкурентным и гиперконкурентным условиям труда ($\bar{X}_n / y = 5,2$; $\bar{X}_r / y = 3,9$ соответственно).

Такое распределение свидетельствует о том, что в условиях с низким уровнем конкурентных отношений между членами профессиональной группы отсутствуют сложные производственные задачи, требующие коллективных усилий сотрудников в процессе труда. Тогда как в условиях с высоким уров-

нем конкурентных отношений между членами профессиональной группы сложно сохранить товарищеские взаимоотношения, что не позволяет такое объединение называть коллективом.

Значимость различий в распределении степени сформированности коллектива по уровням конкурентности среды определялась при помощи критерия хи-квадрат Пирсона для уровня значимости $P < 0,01$ (для «неконкурентных условий» $\chi^2 = 15,4$; для «конкурентных условий» $\chi^2 = 16,9$; для «гиперконкурентных условий» $\chi^2 = 14,9$ при $\chi^2_{\text{г}} = 14,1$), т. е. полученные значения имеют существенные различия и

могут считаться особенностями распределения уровней конкурентности условий профессиональной деятельности и степени сформированности коллектива.

Таким образом, психологическое исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что коллективная форма социального взаимодействия людей в процессе работы возможна при среднем уровне конкурентности условий профессиональной деятельности.

Выводы

Теоретический анализ научной проблемы позволил обосновать научную гипотезу о возможности сочетания амбивалентных факторов «конкурентность условий профессиональной деятельности» и «коллективизм» в объяснении научных феноменов психологии труда. Совмещение данных амбивалентных факторов возможно, если они имеют среднюю выраженность, т. е. сбалансированные конкурентные отношения в процессе труда позволяют сохранить товарищеские взаимоотношения между членами коллектива, что

при необходимости может способствовать кооперации усилий субъектов труда для выполнения важной задачи, требующей большой вовлечённости сотрудников при её выполнении.

Базовыми характеристиками конкурентных условий труда, которые имеют среднюю выраженность, являются: ориентированность субъектов труда как на личные, так и на организационные цели в процессе работы, наличие навыков индивидуального и коллективного труда, совмещение формально заданных и собственных путей карьерного продвижения, проявление разумной инициативы и риска в работе.

Современное положение дел свидетельствует о том, что, несмотря на рост конкурентных отношений в различных сферах жизнедеятельности, отечественные производственные коллективы сохранили достаточно мощный потенциал для решения сложных и крупных задач, требующих большой степени кооперации и коллективных усилий.

Статья поступила в редакцию 29.12.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М., 2009. 160 с.
2. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. 2-е изд., СПб., 2017. 444 с.
3. Блейлер Э. Аффективность, внушение, паранойя. М., 2008. 208 с.
4. Гаврилова А. Г. Психологические условия организации конструктивной конкурентной среды в системе трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 23 с.
5. Гайдамашко И. В., Пугачева Е. В., Жемерикина Ю. И. Конкурентная среда – основной фактор влияния на процесс допрофессионального развития человека // Человеческий капитал. 2014. № 3 (63). С. 40–45.
6. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения / пер. с англ. М. Котельниковой. М., 1998. 288 с.
7. Евенко С. Л. Социально-психологические типы образовательной среды российских вузов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 3. С. 45–48.

8. Кирхлер Э. Дизайн работ в организациях. Психология труда и организационная психология. Т. 3. М., 2010. 204 с.
9. Ключева О. А. Некоторые тенденции в понимании природы конкуренции и феноменологии конкурентоспособности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 4. С. 25–34.
10. Коваленко А. И. Теоретические и методологические аспекты использования концепции конкурентоспособности в научных исследованиях // Современная конкуренция. 2013. № 42. С. 65–80.
11. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М., 2017. 384 с.
12. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2011. 800 с.
13. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. 255 с.
14. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. М., 2004. 638 с.
15. Посохова А. В. Психологические основания конкурентоспособности субъектов предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2016. 43 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб, 2015. 705 с.
17. Уманский Л. И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив: избранные труды. Кострома, 2001. 208 с.
18. Файоль А. Общее и промышленное управление / пер с фр. М., 1992. 345 с.
19. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой; под ред. Р. И. Капелюшникова. Челябинск, 2011. 394 с.
20. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб., 2000. 512 с.
21. Kincaid H. Methodological Individualism/Atomism // The Handbook of Economic Methodology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1998. P. 294–300.
22. Starkey L. Critical thinking skills success. New York, 2004. 169 p.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya segodnya: poiski i razmyshleniya* [Social psychology today: searches and reflections]. Moscow, 2009. 160 p.
2. Bekhterev V. M. *Kollektivnaya refleksologiya* [Collective reflexology]. St. Petersburg, 2017. 444 p.
3. Bleuler E. *Affektivnost', vnushenie, paranoiya* [The affectivity, compulsion, paranoia]. Moscow, 2008. 208 p.
4. Gavrilova A. G. *Psikhologicheskie usloviya organizatsii konstruktivnoi konkurentnoi sredy v sisteme trudovykh otnoshenii: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Psychological conditions of constructive environment organization in the system of labor relations: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2013. 23 p.
5. Gaidamashko I. V., Pugacheva E. V., Zhemerikina Yu. I. [Competitive environment – the main factor of influencing the process of pre-professional human development]. In: *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 2014, no. 3 (63), pp. 40–45.
6. Druker P. Effective management. Economic tasks and optimal solutions (Russ. ed.: Kotelnikova M., transl. Effektivnoe upravlenie. Ekonomicheskie zadachi i optimal'nye resheniya. Moscow, 1998. 288 p.).
7. Evenko S. L. [Socio-psychological types of the educational environment of Russian universities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2011, no. 3, pp. 45–48.

8. Kirchler E. *Dizain rabot v organizatsiyakh. Psikhologiya truda i organizatsionnaya psikhologiya*. T. 3 [Design of work in organizations. Psychology of work and organizational psychology. Vol. 3]. Moscow, 2010. 204 p.
9. Klyueva O. A. [Some trends in understanding the nature of competition and the phenomenology of competitiveness]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2014, no. 4, pp. 25–34.
10. Kovalenko A. I. [Theoretical and methodological aspects of the use of the concept of competitiveness in scientific research]. In: *Sovremennaya konkurentsia* [Modern competition], 2013, no. 42, pp. 65–80.
11. Lebon G. Psychology of peoples and masses (Russ. ed.: Pimenova E., Fridman A., transl. *Psikhologiya narodov i mass*. Moscow, 2017. 384 p.).
12. Myers D. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg, 2011. 800 p.
13. Petrovsky A. V. *Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv* [Personality. Activity. Team]. Moscow, 1982. 255 p.
14. Popper K. R. Assumptions and refutations: the growth of scientific knowledge (Russ. ed.: *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya*. Moscow, 2004. 638 p.).
15. Posokhova A. V. *Psikhologicheskie osnovaniya konkurentosposobnosti subektov predprinimatel'skoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... dokt. psikhol. nauk* [The psychological foundations of competitiveness of subjects of business activity: abstract of D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2016. 43 p.
16. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General psychology]. St. Petersburg, 2015. 705 p.
17. Umansky L. I. *Lichnost'. Organizatorskaya deyatel'nost'. Kollektiv* [Personality. Organizational activities. Team]. Kostroma, 2001. 208 p.
18. Fayol H. General and industrial management (Russ. ed.: *Obshchee i promyshlennoe upravlenie*. Moscow, 1992. 345 p.).
19. Hayek F. A. Individualism and economic order (Russ. ed.: Dmitrieva O. A., transl. *Individualizm i ekonomicheskii poryadok*. Chelyabinsk, 2011. 394 p.).
20. Halpern D. *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [Psychology of critical thinking]. St. Petersburg, 2000. 512 p.
21. Kincaid H. Methodological Individualism/Atomism. In: *Handbook of Economic Methodology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1998. pp. 294–300.
22. Starkey L. Critical thinking skills success. New York, 2004. 169 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евенко Сергей Леонидович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: slevenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey L. Evenko – Doctor of psychology, Associate Professor, Professor at the Department of psychology of work and organizational psychology, Moscow Region State University;
e-mail: slevenko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евенко С. Л. Конкурентность условий профессиональной деятельности и коллективизм // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 77–86.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-77-86

FOR CITATION

Evenko S. L. The competitive conditions of professional activity and teamwork. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 77–86.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-77-86

УДК

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-87-100

ВОЗРАСТ И СТАЖ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОО К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Филинкова Е. Б.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальных факторов готовности учителей и педагогов дошкольных образовательных организаций (ДОО) к управленческой деятельности. На выборке в 744 человека продемонстрировано, что существует обратная взаимосвязь между возрастом и стажем педагогической деятельности, с одной стороны, и психологической готовностью педагогов к переходу на управленческую работу – с другой, при этом педагогический стаж по сравнению с возрастом оказывает более сильное воздействие на психологическую готовность стать руководителем. В работе выявлено, что в наибольшей степени возраст и стаж педагога оказывают влияние на формирование у него личностного смысла перехода к управленческой деятельности. Выделяются временные периоды, когда психологическая готовность к переходу к управленческой деятельности максимальна. Для учителей это время через 5–10 лет после начала работы в школе, соответствующее возрасту 30–33 года. Для группы воспитателей ДОО однозначно благоприятного одновременно по возрасту и стажу периода вхождения в управление не найдено, но выявлено, что наиболее неблагоприятным периодом является возраст от 50 лет, стаж – более 16 лет.

Ключевые слова: управление, психологическая готовность, учитель, педагог дошкольного образования, личностный смысл, самооценка.

AGE AND EXPERIENCE AS DETERMINANTS OF SCHOOL AND PRESCHOOL TEACHERS' PSYCHOLOGICAL READINESS FOR MANAGEMENT

E. Filinkova*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishi, Moscow reg. 141014, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of social factors of school and preschool education teachers' psychological readiness for management. The empirical study, which involved 744 teachers, showed that there is an inverse relationship between the age and experience of teaching activities, on the one hand, and the teachers' readiness for the transition to management work, on the other. Age has a stronger impact on psychological readiness compared to the experience of teaching. The paper reveals the fact that to the greatest extent, the age and experience

affect personal meaning of the transition to management. There are time periods when the psychological readiness for the transition to management is maximal. For teachers this period is 5-10 years after beginning the teaching career, corresponding to the age of 30-33. It was not possible to allocate the period synchronously favorable on age and experience for teachers of preschool education, but it was revealed that the most unfavorable period is the age of 50, length of service is more than 16 years.

Keywords: management, psychological readiness, teacher, personal meaning, self-evaluation.

Введение

В последние 10–15 лет в отечественной психологии уделяется значительное место проблемам подготовки руководящих кадров в образовании. Основное внимание исследователей сосредоточено на формировании психологической готовности *студентов* к будущей управленческой деятельности [1; 3; 4; 5; 9; 10; 11; 12; 14]. Значительно реже исследуется личностная детерминация готовности к управленческой деятельности у уже состоявшихся *руководителей* [2; 7; 8; 13; 15]. Не умаляя значимости этих подходов, отметим, что между учёбой в вузе и моментом, когда, например, учителю предлагается руководящий пост, проходит несколько лет, и результат влияния учебных курсов на готовность стать руководителем снижается до малозначимой величины за счёт того, что начинают действовать иные факторы – удовлетворённость своей профессией и работой [19; 21; 22], отношение к управленческой деятельности в образовании [17; 23; 24], самооценка своей менеджерской компетентности и способностей к лидерству в коллективе [2; 15; 20], боязнь новизны и неопределённости будущего [18] и т. д.

Все вышеперечисленные факторы носят психологический характер. Однако есть ещё один аспект трудовой деятельности любого работника, в той

или иной степени оказывающий влияние на принятие им решения стать руководителем, – это его трудовой стаж и, соответственно, возраст, влияние которых практически не исследовано. Актуальность и практическая необходимость решения данной проблемы обусловили цель нашего исследования – изучение взаимосвязи психологической готовности учителей и воспитателей ДОО к управленческой деятельности с их возрастом и педагогическим стажем.

Задачи исследования:

1) изучить уровень психологической готовности учителей и воспитателей к переходу к управленческой деятельности в зависимости от возраста и педагогического стажа;

2) определить оптимальные возраст и стаж педагогов дошкольного и среднего образования с точки зрения их перехода к управленческой деятельности.

В исследовании принимали участие 385 учителей (97,7% с высшим образованием, возраст от 21 до 77 лет, средний возраст 40,3 лет; доля мужчин – 7,8%; педагогический стаж от 0,5 до 49 лет, средний стаж – 14 лет) и 359 педагогов ДОО (78,7% с высшим образованием, только женщины; возраст от 20 до 74 лет, средний возраст 42,4 года; стаж педагогической работы от 0,5 до 55 лет, средний стаж – 15 лет), всего педагогов – 744 человека.

Основной метод исследования – анкетирование, для определения психологической готовности педагогов к переходу на управленческую работу был использован разработанный нами опросник [16].

Основные результаты исследования

В исследовании на выборке руководителей школ [18] была обнаружена взаимосвязь между психологической готовностью и педагогическим стажем: чем больше время работы в качестве педагога, тем труднее учителю перейти к управленческой деятельности ($r = -0,310$; $p < 0,05$). Среднее время работы в качестве педагога до перехода на управленческую долж-

ность составило в выборке заместителей директоров школ 11,9 лет. Более четверти опрошенных (26,3%) проработали учителем 16 и более лет, и ещё около четверти (22,5%) к моменту получения предложения о повышении имели педагогический стаж от 11 до 15 лет включительно. При этом педагогический стаж двух подгрупп учителей с максимальной (5 баллов) и минимальной (1 балл) психологической готовностью к управленческой деятельности различается в 1,7 раза: 9,3 года и 15,6 лет соответственно. Фактически эти результаты показывают, что чем выше уровень профессионализации педагога, тем ниже уровень его психологической готовности к переходу к управленческой деятельности (рис. 1).

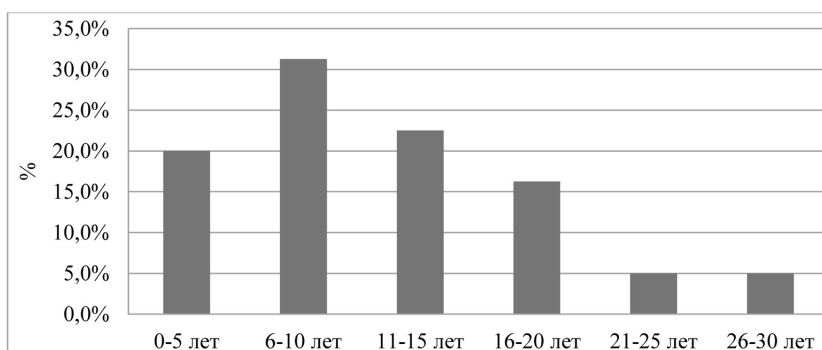

Рис. 1. Стаж педагогической деятельности учителей до перехода на управленческую должность

Изучение роли возраста в формировании готовности к переходу от педагогической к управленческой деятельности показало, что на выборке уже состоявшихся руководителей фактор возраста столь же *большого* значения, как и стаж, не имел, хотя определённое влияние оказывал. Это подтверждается, во-первых, близостью среднего возраста в подгруппах руководителей школ с наибольшей и наименьшей психологи-

ческой готовностью (33,7 и 37,1 лет соответственно). Во-вторых, снижением уровня значимости взаимосвязи между психологической готовностью к переходу на управленческую работу и возрастом, которая достоверна лишь на уровне тенденции: чем меньше возраст учителя при принятии руководящей должности, тем проще ему на это решиться.

Полученные на выборке руководителей результаты были проверены в

группах учителей и воспитателей ДОО, при этом общая психологическая готовность исполнителя к переходу на управленческую работу (ОПГ), а также её компоненты – личностный смысл управленческой деятельности, оценка себя в качестве лидера, самооценка подготовленности к работе руководителя и вынужденность решения – измерялись с помощью опросника [16].

Проведённый корреляционный анализ выявил, что для группы учителей находится много достоверных ($p < 0,01$) взаимосвязей между социальными характеристиками и показателями ОПГ, а для группы воспитателей ДОО такая взаимосвязь оказывается практически в единственном числе (табл. 1, 2) – между возрастом и стажем, с одной стороны, и личностным смыслом управленческой деятельно-

сти – с другой. Эти данные позволяют заключить, что, во-первых, педагоги дошкольного и среднего образования как исполнители сильно различаются по своему психологическому портрету, во-вторых, присутствие связей возраста и стажа с личностным смыслом в столь различных группах позволяет говорить о проявлении *закономерности*: чем старше педагог и/или чем больше его педагогический стаж, тем труднее ему найти для себя смысл перехода на управленческую работу. Заметим, что стаж при этом оказывает большее, чем возраст, воздействие, поскольку уровень значимости корреляций личностного смысла управленческой деятельности со стажем заметно возрастает по сравнению с аналогичным уровнем для возраста.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции Спирмена между показателями готовности (ОПГ) и социальными характеристиками педагогов дошкольного и среднего образования

Группы педагогов	Социальные параметры	Показатели готовности				
		ОПГ	Личностный смысл управленческой деятельности	Оценка себя как лидера	Самооценка подготовленности к работе рук.	Вынужденность решения
учителя	возраст	-0,162**	-0,278**			0,172**
	стаж	-0,238**	-0,324**	-0,133*	-0,129*	0,134*
воспитатели	возраст		-0,136*		0,128*	
	стаж		-0,202**			

* Корреляция значима на уровне $p < 0,05$

** Корреляция значима на уровне $p < 0,01$

Для учителей возраст и особенно стаж, несомненно, являются факторами, оказывающими влияние на психологическую готовность в целом и её отдельные компоненты, т. е. корреляционный анализ подтвердил зависимости, явно проявившиеся или только наметившиеся

в интервью руководителей школ (см. выше). Интересна обнаруженная связь вынужденности решения стать руководителем и возраста: в данном случае не стаж, а именно возраст препятствует самостоятельному принятию решения, повышая степень его вынужденности.

Таблица 2. Распределения показателей ОПГ для разновозрастных групп учителей
(в % от соответствующей выборки)

Параметр	Уровень	Возрастные группы учителей				
		до 30 лет n = 71	31–39 n = 88	40–49 n = 93	50–59 n = 65	от 60 лет n = 11
ОПГ	Очень низкий	2,8	1,1	6,5	4,6	18,2
	Низкий	24,0	29,6	29,0	41,6	45,4
	Средний	71,8	64,8	60,2	49,2	27,2
	Высокий	1,4	4,5	4,3	4,5	9,1
	Средний балл	52,3	52,0	51,2	48,4	45,1
Личностный смысл управ- ленческой деятельности	Низкий	29,6	39,8	45,2	60,0	90,9
	Средний	64,8	55,7	51,6	35,4	0
	Высокий	5,6	4,5	3,2	4,6	9,1
Оценка себя как лидера	Низкий	28,2	34,1	37,6	41,5	45,5
	Средний	63,3	57,9	57,0	53,9	36,3
	Высокий	8,5	8,0	5,4	4,6	18,2
Самооценка подготовленно- сти к работе руководителем	Низкий	29,6	30,7	24,7	38,5	45,5
	Средний	69,0	62,5	66,7	56,9	36,3
	Высокий	1,4	6,8	8,6	4,6	18,2
Вынужденность решения	Низкий	49,3	34,1	37,6	21,5	54,5
	Средний	47,9	59,1	61,3	63,1	36,4
	Высокий	1,4	6,8	1,1	15,4	9,1

Зададимся вопросом: «При каком педагогическом стаже и в каком возрасте управленческое самоопределение протекает наиболее легко, т. е. психологическая готовность к переходу к управленческой деятельности самая высокая?». Несомненной закономерностью, следующей из представленных в таблицах 2 и 3 данных, является то, что с возрастом неуклонно снижается личностный смысл управленческой деятельности и одновременно нарастает степень вынужденности решения. Самооценка подготовленности к работе руководителя не имеет линейного тренда, при этом в группах и учителей, и воспитателей динамика этой самооценки одинакова: вначале она очень плавно растёт до возраста в 40–49 лет, очевидно с накоплением опыта, а затем начинает снижаться. Самооценка в качестве лидера – единственный па-

раметр, динамика которого у учителей и воспитателей в зависимости от возраста различна. Для педагогов школ зависимость между самооценкой как лидера и возрастом носит линейный характер: чем старше, тем самооценка ниже, а для педагогов дошкольного образования анализируемая зависимость носит волнообразный характер и неоднозначна.

Несовпадение динамики компонентов ОПГ в зависимости от возраста у учителей и воспитателей обуславливает то, что общая психологическая готовность к переходу к управленческой деятельности изменяется в рассматриваемых группах также различно. Для учителей психологическая готовность с повышением возраста неуклонно падает, а для воспитателей ДОО этой зависимости нет, что во многом обусловлено противоположностью ди-

намики отдельных компонентов ОПГ личностный смысл, но растёт оценка вплоть до возраста в 49 лет (снижается подготовленности).

Таблица 3. Распределения показателей ОПГ для разновозрастных групп воспитателей ДОО (в % от соответствующей выборки)

Параметр	Уровень	Возрастные группы педагогов ДОО				
		до 30 лет n = 40	31–39 n = 76	40–49 n = 62	50–59 n = 61	от 60 лет n = 15
ОПГ	Очень низкий	7,5	13,2	6,5	13,1	13,3
	Низкий	32,5	32,9	38,7	27,9	33,4
	Средний	60,0	46,0	53,2	54,1	40,0
	Высокий	0	7,9	1,6	4,9	13,3
	Средний балл	48,8	49,0	49,9	47,4	50,3
Личностный смысл управленческой деятельности	Низкий	42,5	50,0	56,5	63,9	53,3
	Средний	58,5	43,4	41,9	34,5	46,7
	Высокий	0	6,6	1,6	1,6	0
Оценка себя как лидера	Низкий	30,0	39,5	35,5	41,0	26,7
	Средний	67,5	55,2	62,9	52,4	60,0
	Высокий	2,5	5,3	1,6	6,6	13,3
Самооценка подготовленности к работе руководителем	Низкий	50,0	43,4	35,5	41,0	40,0
	Средний	45,0	50,0	61,3	52,4	46,7
	Высокий	5,0	5,6	3,2	6,6	13,3
Вынужденность решения	Низкий	50,0	36,8	32,3	27,9	40,0
	Средний	32,5	57,9	59,6	65,5	60,0
	Высокий	17,5	5,3	8,1	6,6	0

Однако в обеих профессиональных группах наиболее психологически готовыми к управленческой деятельности оказываются педагоги до 39 лет. Более точный анализ, сделанный на выборке учителей, устанавливает максимум ОПГ в 31–33 года (рис. 2), т. е. первый шаг по карьерной лестнице для педагогов-исполнителей предпочтительнее делать именно в этот период, на который, согласно Э. Ф. Зееру и Э. Э. Сыманюк, приходится кризис роста (30–33 года), обусловленный неудовлетворённостью возможностями занимаемой должности и профессиональным ростом [6].

Рассмотрим влияние стажа педагогической работы на психологическую готовность к переходу к управ-

ленческой деятельности (табл. 4, 5). Распределение переменной «личностный смысл управленческой деятельности» носит полиномиальный характер и различается в группах учителей и воспитателей. Пожалуй, единственной общей чертой рассматриваемых распределений является существование двух локальных максимумов: в начале и в конце кривой. В обеих профессиональных группах наибольший личностный смысл стать руководителем фиксируется в подгруппе со стажем 6–10 лет, но, кроме этого, имеется локальное повышение уровня выраженности этого компонента после 21 года работы в педагогической сфере (относительно результатов подгруппы со стажем 16–20 лет).

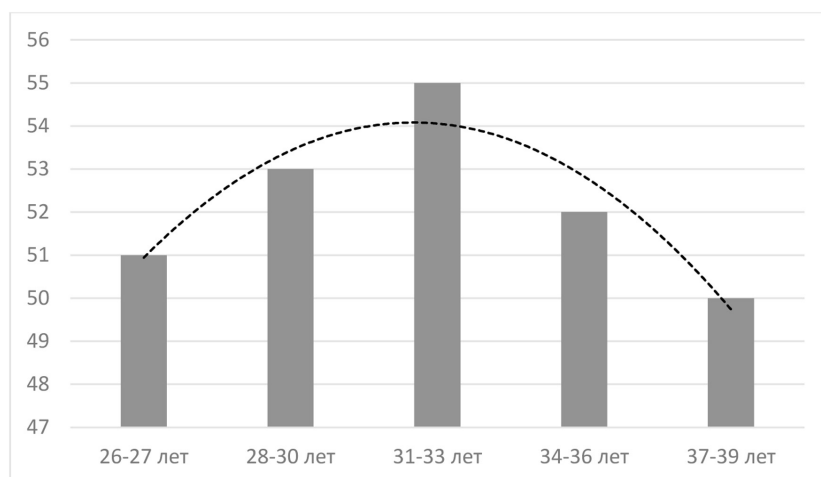

Рис. 2. Среднее значение ОПГ для разновозрастных групп учителей (в баллах)

Оценка себя в качестве лидера также имеет нелинейное распределение: и у учителей, у воспитателей она остаётся практически неизменной вплоть до стажа в 15 лет, а затем снижается. В противоположность ей самооценка подготовленности вначале возрастает (в группе учителей вплоть до стажа в 10 лет, а у воспитателей – до стажа в 15 лет), после чего достаточно резко снижается, а затем вновь немного растёт.

Таблица 4. Распределения показателей ОПГ для групп учителей с разным педагогическим стажем (в % от соответствующей выборки)

Параметр	Уровень	Группы педагогов с разным педагогическим стажем				
		до 5 лет n = 85	6–10 n = 50	11–15 n = 48	16–20 n = 50	от 21 года n = 82
ОПГ	Очень низкий	2,4	0	0	8,0	7,3
	Низкий	18,8	24,0	35,4	44,0	37,8
	Средний	76,4	66,0	60,4	54,0	51,2
	Высокий	2,4	10,0	4,2	2,0	3,7
Личностный смысл управленческой деятельности	Низкий	27,1	30,0	50,0	50,0	63,4
	Средний	69,4	42,0	43,8	48,0	34,2
	Высокий	3,5	28,0	6,2	2,0	2,4
Оценка себя как лидера	Низкий	28,2	30,0	29,2	50,0	40,2
	Средний	65,9	60,0	60,4	48,0	51,3
	Высокий	5,9	10,0	10,4	2,0	8,5
Самооценка подготовленности к работе руководителем	Низкий	23,5	26,0	27,1	38,0	34,1
	Средний	74,1	62,0	64,6	60,0	57,4
	Высокий	2,4	12,0	8,3	2,0	8,5
Вынужденность решения	Низкий	43,5	38,0	41,7	30,0	29,3
	Средний	53,0	54,0	56,2	64,0	63,4
	Высокий	3,5	8,0	2,1	6,0	7,3

Таблица 5. Распределения показателей ОПГ для групп воспитателей ДОО с разным педагогическим стажем (в % от соответствующей выборки)

Параметр	Уровень	Группы педагогов с разным педагогическим стажем				
		до 5 лет n = 64	6–10 n = 56	11–15 n = 31	16–20 n = 28	от 21 года n = 72
ОПГ	Очень низкий	9,4	7,1	6,5	21,4	11,1
	Низкий	31,2	34,0	29,0	39,3	30,6
	Средний	54,7	55,3	61,3	35,7	51,4
	Высокий	4,7	3,6	3,2	3,6	6,9
Личностный смысл управленческой деятельности	Низкий	46,9	42,9	45,2	64,3	65,3
	Средний	48,4	53,5	54,8	35,7	31,9
	Высокий	4,7	3,6	0	0	2,8
Оценка себя как лидера	Низкий	31,2	41,1	35,5	42,9	37,5
	Средний	64,1	55,3	64,5	51,5	54,2
	Высокий	4,7	3,6	0	3,6	8,3
Самооценка подготовленности к работе руководителем	Низкий	46,9	42,9	35,5	50,0	34,7
	Средний	43,7	55,3	58,0	50,0	57,0
	Высокий	9,4	1,8	3,2	0	8,3
Вынужденность решения	Низкий	42,2	35,7	38,7	35,7	27,8
	Средний	53,1	51,8	61,3	60,7	66,6
	Высокий	4,7	12,5	0	3,6	5,6

Вынужденность решения очень мало изменяется от подгруппы к подгруппе, общая тенденция – с ростом педагогического стажа степень вынужденности решения стать руководителем становится больше.

Проанализируем детально распределение по ОПГ в зависимости от стажа педагогической деятельности. Как следует из рис. 3, психологическая готовность педагогов среднего и дошкольного образования к переходу к управленческой деятельности имеет сложную динамику.

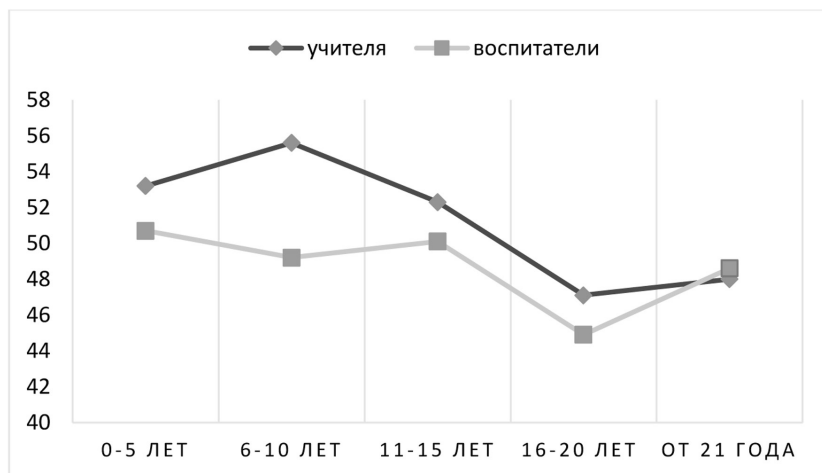

Рис. 3. Распределения среднего значения ОПГ в группах учителей и воспитателей в зависимости от стажа педагогической деятельности (в баллах)

Для обеих групп можно выделить период, когда психологическая готовность к переходу максимальна: для учителей это время 5–10 лет после начала работы в школе, а для воспитателей это более длительный временной промежуток – до 15 лет педагогического стажа.

Стаж 5–10 лет примерно соответствует возрасту 30–33 года, т. е. для выборки учителей имеем совпадение благоприятных возраста и стажа педагогической деятельности при условии начала работы в школе сразу после института. Для группы воспитателей ДОО выделить однозначно благоприятный по возрасту и стажу одновременно период вхождения в управление не удаётся, можно лишь указать, что наиболее *неблагоприятным* периодом является возраст от 50 лет, стаж – более 16 лет.

Выводы

1. Существует обратная взаимосвязь между возрастом и стажем педагогической деятельности, с одной стороны, и психологической готовностью педагогов к переходу на управленческую работу – с другой. Однако эта связь проявляется только в группе учителей и не проявляется в группе педагогов ДОО, что мы связываем со значительным количеством временных работников в дошкольном образовании, пришедших работать в детский сад только ради устройства своего ребёнка или внука.

2. В общем случае педагогический стаж оказывает более сильное воздействие на психологическую готовность стать руководителем, чем возраст субъекта педагогической деятельности.

3. В наибольшей степени возраст и стаж педагога оказывают влияние на формирование у него личностного смысла перехода к управленческой деятельности: чем старше педагог и/или чем больше его педагогический стаж, тем труднее ему найти для себя смысл перехода на управленческую должность. Вынужденность же принятия решения стать руководителем, наоборот, с возрастом и стажем в общем случае только нарастает.

4. Оценки себя в качестве лидера коллектива и профессионала-менеджера зависят от возраста и стажа неоднозначно. Самооценка подготовленности к работе руководителя вначале очень плавно растёт до возраста в 40–49 лет, очевидно, с накоплением опыта, а затем начинает снижаться. Для педагогов школ зависимость между самооценкой как лидера и возрастом носит линейный характер: чем старше, тем самооценка ниже, а для педагогов дошкольного образования анализируемая зависимость носит волнообразный характер. Оценка себя в качестве лидера зависит от педагогического стажа нелинейно: она остаётся практически неизменной вплоть до стажа в 15 лет, а затем снижается. В противоположность ей самооценка подготовленности к работе руководителя вначале возрастает, после чего достаточно резко снижается, а затем вновь незначительно растёт.

5. Выделяются временные периоды, когда психологическая готовность к переходу к управленческой деятельности максимальна. Для учителей это время через 5–10 лет после начала работы в школе, соответствующее возрасту 30–33 года, такое решение будет являться оптимальным для конструктивного раз-

решения профессионального кризиса роста. Для группы воспитателей ДОО выделить однозначно благоприятный по возрасту и стажу одновременно период вхождения в управление не удаётся, можно лишь указать, что наиболее благоприятным периодом является возраст от 50 лет, стаж – более 16 лет.

Статья поступила в редакцию 28.12.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беринская И. В. Формирование готовности студентов вуза к организационно-управленческой деятельности в образовательных организациях // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2 (24). С. 111–115.
2. Горонин П. В. Профессиональное самосознание как фактор психологической готовности к управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2000. 20 с.
3. Гроссман И. Б. Содержание и результаты опытно-экспериментальной работы по формированию готовности будущих педагогов профессионального обучения к управленческой деятельности // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2012. № 4 (08). С. 69–75.
4. Денисова О. П. Формирование психологической готовности студента – будущего менеджера к управленческой деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 24 с.
5. Езопова С. А. Формирование личностно-профессиональной готовности студентов к деятельности руководителя дошкольного образовательного учреждения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. 17 с.
6. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Эмоциональный компонент в профессиональном становлении педагога // Мир психологии. 2002. № 4. С. 194–203.
7. Ильин С. С. Психологическая готовность специалиста к управленческим профессиям: содержание, структура, диагностика: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 157 с.
8. Казанцев Д. И. Профессионально-психологическая готовность современного руководителя образовательного учреждения к управленческой деятельности (модель управленческих компетенций) // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 1. С. 31–37.
9. Киятина И. И. Дидактические средства формирования готовности будущих учителей к управленческой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 2004. 19 с.
10. Климова Г. Г. Формирование профессионально-педагогической готовности студентов вуза к управленческой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
11. Локшин К. В. Формирование управленческой готовности будущего менеджера физической культуры при обучении специальным дисциплинам: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 20 с.
12. Мельниченко О. И. Педагогические условия формирования готовности будущего педагога к управленческой деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 184–185.
13. Менумеров А. В. Психолого-акмеологическая оценка психологической готовности государственных служащих к управленческой деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 23 с.

14. Серякова С. Б., Никитовская Г. В. Формирование управленческой компетентности будущих учителей физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2018. № 3. С. 30–32.
15. Скориков В. Б. Психологическая готовность работника к руководству научно-производственным коллективом: дис. ... канд. психол. наук. М., 1991. 191 с.
16. Филинкова Е. Б. Опросник «Психологическая готовность исполнителя к переходу на управленческую работу» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 177–196.
17. Филинкова Е. Б. Представления учителей о специфике деятельности директоров школ в сравнении с руководителями других отраслей народного хозяйства // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2014. № 17 (36). С. 95–100.
18. Филинкова Е. Б. Психология принятия решения о переходе от педагогической к другим видам деятельности: монография. М., 2012. 174 с.
19. Филинкова Е. Б. Роль удовлетворенности трудом в формировании готовности педагогов к переходу к управленческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 129–140.
20. Филинкова Е. Б. Самооценка готовности учителей к управленческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 1. С. 25–39.
21. Филинкова Е. Б. Удовлетворенность трудом как фактор готовности педагогов к смене работы // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 122–126.
22. Филинкова Е. Б. Удовлетворенность трудом руководителей дошкольных образовательных учреждений // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 5. С. 323–329.
23. Филинкова Е. Б., Князева И. А. Представления учителей о деятельности директоров школ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 83–92.
24. Филинкова Е. Б., Шульга Т. И. Восприятие педагогами руководящей деятельности в образовании как фактор готовности к переходу на управленческую должность // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 21–31.

REFERENCES

1. Berinskaya I. V. [Formation of university students' readiness for organizational and administrative activity in educational institutions]. In: *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [The science about the man: humanitarian research], 2016, no. 2 (24), pp. 111–115.
2. Goronin P. V. *Professional'noe samosoznanie kak faktor psikhologicheskoi gotovnosti k upravlencheskoi deyatel'nosti rukovoditelei organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Professional identity as a factor of psychological readiness for management of managers of internal affairs bodies: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Minsk, 2000. 20 p.
3. Grossman I. B. [The contents and results of experimental work on formation of readiness of future teachers of vocational training managerial activities]. In: *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus* [XXI century: the results of the past and challenges of the present plus], 2012, no. 4 (08), pp. 69–75.

4. Denisova O. P. *Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti studenta – budushchego menedzhera k upravlencheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The formation of students-future managers' psychological readiness for managerial activities: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Samara, 2007. 24 p.
5. Ezopova S. A. *Formirovanie lichnostno-professional'noi gotovnosti studentov k deyatel'nosti rukovoditelya doshkol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Creating a student-professional readiness of students for the activities of the head of pre-school educational institution: abstract of PhD thesis in Pedagogic sciences]. St. Petersburg, 1999. 17 p.
6. Zeer E. F., Symanyuk E. E. [The emotional component in the professional formation of the teacher]. In: *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2002, no. 4, pp. 194–203.
7. Ilyin S. S. *Psikhologicheskaya gotovnost' spetsialista k upravlencheskim professiyam: soderzhanie, struktura, diagnostika: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological readiness of the expert for the management professions: the content, structure, diagnostics: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1999. 157 p.
8. Kazantsev D. I. [Professional and psychological readiness of the modern head of the educational institution for management activity (model of managerial competences)]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2014, no. 1, pp. 31–37.
9. Kiyutina I. I. *Didakticheskie sredstva formirovaniya gotovnosti budushchikh uchitelei k upravlencheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Didactic means of forming future teachers' readiness for management activity: abstract of PhD thesis in Pedagogic sciences]. Bryansk, 2004. 19 p.
10. Klimova G. G. *Formirovanie professional'no-pedagogicheskoi gotovnosti studentov vuza k upravlencheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The formation of professional-pedagogical readiness of students to the management activities: abstract of PhD thesis in Pedagogic sciences]. Ekaterinburg, 2002. 22 p.
11. Lokshin K. V. *Formirovanie upravlencheskoi gotovnosti budushchego menedzhera fizicheskoi kul'tury pri obuchenii spetsial'nym distsiplinam: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The formation of the managerial readiness of a future manager of physical culture in teaching special subjects: abstract of PhD thesis in Pedagogic sciences]. Moscow, 2008. 20 p.
12. Melnichenko O. I. [Pedagogical conditions of formation of future teachers' readiness for management activities]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2018, no. 3 (70), pp. 184–185.
13. Menumarov A. V. *Psikhologo-akmeologicheskaya otsenka psikhologicheskoi gotovnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh k upravlencheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological and acmeological assessment of civil servants' psychological readiness for management: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg, 2011. 23 p.
14. Seryakova S. B., Nikitovskaya G. V. [The formation of management competence of future teachers of physical culture]. In: *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 2018, no. 3, pp. 30–32.
15. Skorikov V. B. *Psikhologicheskaya gotovnost' rabotnika k rukovodstvu nauchno-proizvodstvennym kolektivom: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological readiness of an employee for the management of research and production team: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1991. 191 p.

16. Filinkova E. B. [The questionnaire “Psychological readiness of the contractor for transiting to managerial work”]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2018, vol. 9, no. 1, pp. 177–196.
17. Filinkova E. B. [Representations of teachers about the specifics of school principals in comparison with leaders of other sectors of the economy]. In: *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. G. i N. G. Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Vladimir State University, named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Pedagogical and psychological science], 2014, no. 17 (36), pp. 95–100.
18. Filinkova E. B. *Psikhologiya prinyatiya resheniya o perekhode ot pedagogicheskoi k drugim vidam deyatel'nosti* [The psychology of decision-making about the transition from teaching to other activities]. Moscow, 2012. 174 p.
19. Filinkova E. B. [The role of job satisfaction in the formation of teachers' readiness for managerial activities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 4, pp. 129–140.
20. Filinkova E. B. [Self-assessment of teachers' readiness for management activities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2015, no. 1, pp. 25–39.
21. Filinkova E. B. [Job satisfaction as a factor of teachers' readiness to change the place of work]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2015, no. 2, pp. 122–126.
22. Filinkova E. B. [Job satisfaction of managers of preschool educational institutions]. In: *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)* [Bulletin of University (State University of Management)], 2015, no. 5, pp. 323–329.
23. Filinkova E. B., Knyazeva I. A. [Representations of teachers about the activities of school directors]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2014, no. 1, pp. 83–92.
24. Filinkova E. B., Shulga T. I. [The perception of teachers in leadership activities in education as a factor of readiness for a managerial position]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 21–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филинкова Евгения Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: jane421@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya B. Filinkova – candidate of psychological Sciences, associate Professor, associate Professor, Department of social psychology, Moscow Regional State University; e-mail: jane421@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филинкова Е. Б. Возраст и стаж как детерминанты психологической готовности учителей и воспитателей ДОО к управленческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 87–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-87-100

FOR CITATION

Filinkova E. B. Age and experience as determinants of school and preschool teachers' psychological readiness for management. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 1, pp. 87–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-87-100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет

Информационное письмо

XIV Левитовские чтения

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

Московского государственного областного университета

приглашает Вас

17–18 апреля 2019 г.

принять участие в работе

Международной научно-практической конференции:

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ, ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

INFORMATION LETTER

XIV Levitov's Readings

The Faculty of Psychology

of Moscow Region State University

invite you

on April 17–18th, 2019

to take part in

International scientific-practical conference

**“ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE
OF PSYCHOLOGIC-PEDAGOGIC
AND LINGUODIDACTIC RESEARCH”**

Председатель оргкомитета: **Мельников Тимур Николаевич**, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета психологии Московского государственного областного университета

Зам. председателя оргкомитета: **Кабалина Олеся Игоревна**, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях

Члены оргкомитета:

Батурина Эльвира Рифатовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях

Бегович Иван Сеадович, ассистент кафедры иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях

Боровкова Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях

Мушниковка Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях

Озолина Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях

На конференции будут работать следующие секции:

Научное направление:	Кафедра:
Инновационные и традиционные технологии формирования профессиональной компетентности	кафедра психологии труда и организационной психологии kaf-psirpd@mgou.ru
Актуальные проблемы теории и практики консультативной психологии	кафедра психологического консультирования kaf-psikon@mgou.ru
Актуальные проблемы социальной психологии	кафедра социальной психологии kaf-socpsi@mgou.ru
Психолого-педагогические проблемы социокультурной детерминации субъектов образовательного процесса	кафедра общей и педагогической психологии kaf-opp@mgou.ru
Современное состояние и перспективы развития психологии личности в современном транзитивном обществе: теория и практика	кафедра психологии развития личности kaf_prl@mgou.ru
Современные проблемы дошкольного образования	кафедра дошкольного образования kaf-doobr@mgou.ru
Инновационные образовательные технологии в современной начальной школе	кафедра начального образования kaf-nobr@mgou.ru
Актуальные проблемы лингвистики и раннего лингвистического образования	кафедра иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе и дошкольных учреждениях kaf-insdu@mgou.ru

По итогам конференции планируется издание сборника материалов в электронном варианте, который будет размещён в открытом доступе на сайте университета (**Внимание! Сборник публикуется только в электронной версии**).

Минимальный объём публикуемой статьи / тезисов – 3 страницы. Максимальный объём публикуемой статьи / тезисов – 5 страниц. **Сборнику присваивается ISSN. Материалы сборника размещаются в РИНЦ, eLibrary.ru.**

Как принять участие в конференции:

1. Вы отправляете:

1) *заявку на участие;*

2) *статью / тезисы;*

3) *согласие на обработку данных;*

4) *заявление для размещения электронной версии полного текста статьи / тезисов;*

5) *авторскую анкету*

на электронный адрес соответствующей секции (кафедры) до 15 марта 2019 г.

2. Кафедры отправляют документы, сопровождая полученные статьи / тезисы сканом справки на антиплагиат, **на почту оргкомитета: до 1 апреля 2019 г.:** konf-mgou@mail.ru

3. Оргкомитет рецензирует высланные Вами материалы. Если материалы успешно прошли рецензирование, Ваш материал будет размещён в сборнике по умолчанию.

4. Если присланные Вами материалы для участия в конференции **не будут соответствовать заявленным требованиям, оргкомитет конференции отправит уведомление на соответствующую кафедру.**

5. После выхода сборника материалов конференции оргкомитет отправит электронную версию сборника на соответствующую кафедру.

6. К участию в сборнике принимаются материалы в том числе и от студентов МГОУ – магистрантов и аспирантов.

7. Максимальное количество публикаций в сборнике одного автора с учётом соавторства – два раза.

8. Любые присланные материалы после 1 апреля 2019 г. не будут приниматься к рассмотрению.

НЕОБХОДИМЫЙ ПАКЕТ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УЧАСТИЯ В СБОРНИКЕ (каждая позиция высылается отдельным файлом):

1) *Файл 1. – Заявка на участие в конференции (высылается в формате .doc):*

Фамилия, имя, отчество автора (полностью)	
Название конференции	«Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и лингводидактических исследований»
Заголовок статьи / тезисов	
Научное направление	
Место работы или учёбы, должность	
Учёная степень, учёное звание (при наличии)	
Контактный телефон и адрес электронной почты	
Будете ли Вы выступать с докладом на конференции?	

Общие требования к оформлению

Название файла с заявкой

Отдельный файл с названием
«Заявка_ Фамилия и инициалы автора»
(например, Заявка_Петров АВ)

2) *Файл 2. – Текст статьи / тезисов (высылается в формате .doc)*

Общие требования к оформлению

Название файла со статьёй / тезисами	Отдельный файл с названием «Фамилия ИО автора. Название статьи» (например, «Солнцев И.Ю. Проблемы обучения китайскому языку»)
Тип файлов	Microsoft Word 97-2003 (doc)
Размер листа	A4
Поля	Левое, правое, верхнее и нижнее – 2 см
Шрифт	Times New Roman

Размер шрифта	12
Выравнивание текста	по ширине
Межстрочный интервал	Одинарный
Абзац (отступ)	1,25 см
Нумерация страниц	не ведётся
Оформление <u>внутритекстовых библиографических ссылок</u>	Внутритекстовые библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках, где даются порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы и номер страницы – [18, с. 65]. Если ссылка включает несколько использованных работ, внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой: [4, с. 15; 5, с. 123]. Пример оформления см. в Приложении 1.
Оформление списка литературы (<u>затекстовые библиографические ссылки</u>)	Затекстовые библиографические ссылки помещаются после текста тезисов под общим подзаголовком «Литература». Представляют собой список работ, использованных автором. Работы в списке литературы должны быть размещены в алфавитном порядке. Список литературы включает не более 5 источников. Самоцитирование запрещено! Пример оформления см. в Приложении 2.
Рисунки / диаграммы	чёрно-белые, внедрены в текст
Объём тезисов	от 3 страниц, но не более 5 (1 страница = 1800 знаков без пробелов, количество страниц округляется в большую сторону до целого числа)

Оформление титульной страницы статьи / тезисов:

Приложение 1

**Оформление титульного листа тезисов,
сокращений в тексте и ссылок на литературу**

*Иванов Иван Иванович, Московский государственный областной университет,
доцент кафедры общей и педагогической психологии*

Психологические критерии оценки организационной структуры

Аннотация. Аннотация должна быть написана одним абзацем и не содержать математических формул, табличных значений и ссылок (Объём 500–1000 знаков с пробелами).

Ключевые слова: перечисление основных терминов по профилю исследования (5–7 слов).

Title of the article

Abstract. *This is an abstract. It gives an overview of the manuscript to the reader. The abstract should be written as one paragraph and should not contain displayed mathematical equations or tabular material...*

Keywords: *listing of key terms on the profile of the research...*

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи
текст статьи [1, с. 72–79].

Приложение 2

Оформление списка литературы**Литература**

1. Лэтчфорд Е. У. С Белой армией в Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака: [сайт]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.03.2019).

2. Парахина В. Н., Федоренко Т. М. Теория организации [текст]: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2007. 296 с.

3) **Файл 3. – Согласие на обработку данных** (высылается скан документа с подписью – бланк ниже)

4) **Файл 4. – Заявление для размещения электронной версии полного текста статьи / тезисов**

(высылается скан документа с подписью – бланк ниже)

5) **Файл 5. – Авторская анкета на русском и английском языках** (высылается в формате .doc – бланк ниже)

Согласие на обработку персональных данных

Я, _____,

(Ф.И.О.)

(паспорт: серия № _____, выдан кем, _____,
_____), проживающий по адресу: _____,

как субъект персональных данных, в соответствии с требованиями Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изменениями и дополнениями), не возражаю против обработки Государственным образовательным учреждением высшего образования Московской области Московским государственным областным университетом (МГОУ) (адрес: 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24), включая сбор, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование, распространение (в том числе передачу), обезличивание, блокирование, уничтожение моих персональных данных до момента отзыва настоящего соглашения.

Цели обработки персональных данных связаны с осуществлением деятельности, определённой уставом МГОУ.

Перечень персональных данных, на обработку которых даётся согласие субъекта персональных данных: любая информация, относящаяся ко мне как к физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, образование, учёные степень и звание и другая информация.

Настоящее согласие может быть отозвано мной в письменной форме.

Настоящее согласие действует до даты его отзыва мною путём направления в МГОУ письменного сообщения об указанном отзыве в произвольной форме, если иное не установлено законодательством Российской Федерации.

Подтверждаю, что ознакомлен(а) с Правилами защиты персональных данных в МГОУ (Распоряжение от 18.09.2017 № 116). Права и обязанности субъекта персональных данных мне разъяснены.

« _____ » _____ 2019 г.

_____/_____
подпись расшифровка подписи

И. о. ректора МГОУ
В. С. Запалацкой

ФИО (полностью)

паспорт серия, номер, дата выдачи, кем выдан,
код подразделения, дата рождения

адрес, телефон, электронная почта

Заявление

Я _____
(Ф.И.О.)

выражаю своё согласие на издание и размещение электронной версии полного
текста / метаданных моей статьи « _____
»
(название)

в тематических базах данных и электронных библиотеках (ст. 1286 и 1238
Гражданского Кодекса Российской Федерации) как на безвозмездной, так и
на возмездной основе в целях предоставления пользователям сети Интернет
открытого доступа к тексту и метаданным произведения как в пределах
территории Российской Федерации, так и за её пределами, входящей в
Сборник материалов Международной научно-практической конференции
XIV Левитовские чтения «**Актуальные проблемы теории и практики
психологических, психолого-педагогических и лингводидактических
исследований**» (далее – Произведение), а также даю согласие на заключение
ответственным редактором Произведения О. И. Кабапиной соответствующего
договора.

Гарантирую, что материалы, предлагаемые для издания, являются оригинальной
работой, созданы и вычитаны мной (составителем, ответственным редактором,
ответственным за выпуск и т. д.), проверены точность и достоверность данных
(имена, даты, термины, формулы, таблицы и т. д.).

Согласие на обработку МГОУ / ИИУ моих персональных данных прилагаю.

Приложение:

- авторская анкета (на электронном носителе) – на ____ листе(ах);
- согласие на обработку персональных данных – на 1 листе.
- рукопись статьи, включая аннотацию и ключевые слова (на электронном носителе) – на _____ листах.

« ____ » _____ 2019 г.

_____/_____
подпись расшифровка подписи

Анкета автора
Размещение сборника в НЭБ Elibrary.ru
для индексирования в РИНЦ

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученые степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация (или несколько организаций), в которой работал автор <u>на момент выхода в свет (или написания) статьи</u>		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название произведения (статьи)		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

ВАЖНО!!! Если **в произведении** использованная литература приведена в конце каждого параграфа, раздела, главы и др., то для размещения издания в РИНЦ источники необходимо оформить в отдельном файле в виде обычного списка по алфавиту (ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка»).

ВАЖНО!!! Если **в статье** использованные источники оформлены в виде постраничных ссылок, то для размещения издания в РИНЦ источники необходимо оформить в виде обычного списка по алфавиту (ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка»).

ЖДЕМ ВАШИ СТАТЬИ И СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
 ДО 15 МАРТА 2019 г.

С уважением, оргкомитет конференции.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) "Вестника Московского государственного областного университета": «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформах Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор Т. С. Павлова

Переводчик Е. В. Приказчикова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная верстка Н. Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,25, усл. пл. 7,0.

Подписано в печать: 19.03.2019. Выход в свет: 21.03.2019. Заказ № 2019/03-01.

Отпечатано в типографии МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А